

ОГОНЁК

20 НОЯБРЯ 1945 ГОДА.

№ 45

МИХАИЛ ИВАНОВИЧ КАЛИНИН
★ К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ★

Рисунок Б. Карпова 1939 г.

ВЕРНОМУ СОРАТНИКУ ЛЕНИНА И СТАЛИНА— МИХАИЛУ ИВАНОВИЧУ КАЛИНИНУ

Дорогой Михаил Иванович!

Центральный Комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и Совет Народных Комиссаров Союза ССР сердечно приветствуют Вас в день Вашего семидесятилетия.

Советский народ высоко ценит Ваши заслуги перед Родиной, как одного из видных организаторов и строителей коммунистической партии и Советского государства. Всю свою сознательную жизнь—более 50 лет—Вы отдали революционной борьбе за интересы рабочих и крестьян. Вы были всегда стойким последователем и верным соратником Ленина и Сталина.

Свыше двадцати шести лет Вы являетесь руководителем верховного органа Советского государства. Находясь на этом посту, Вы все эти годы отдавали свои силы, знания и богатый жизненный опыт революционера-большевика делу укрепления союза рабочих, крестьян и интеллигенции, упрочению дружбы между народами Советского Союза. На этой работе по усилению и возвышению Советского государства Вы заслужили глубокое уважение всей партии и горячую любовь трудящихся нашей страны.

В Вашем лице партия большевиков, народы Советского Союза чествуют сегодня государственного деятеля ленинско-сталинского типа, принципиального, простого и сердечного, родного широким массам советских рабочих, крестьян и интеллигенции.

От всей души желаем Вам, дорогой Михаил Иванович, многих лет здоровья для плодотворной работы на благо нашей великой Родины.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ
ВСЕСОЮЗНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
ПАРТИИ (большевиков)

СОВЕТ НАРОДНЫХ
КОМИССАРОВ
СОЮЗА ССР

УКАЗ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР

О награждении Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР товарища Михаила Ивановича Калинина орденом Ленина

За выдающиеся заслуги в деле строительства и укрепления Советского государства наградить Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР товарища Михаила Ивановича КАЛИНИНА в день его семидесятилетия орденом ЛЕНИНА.

Заместитель Председателя Президиума Верховного Совета СССР
Н. ШВЕРНИК.

Секретарь Президиума Верховного Совета СССР
А. ГОРКИН.

Москва, Кремль. 19 ноября 1945 года.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
23-й год издания

ОГОНЁК

№ 45 (964)

20 ноября 1945 года

ВЫХОДИТ ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

ПРОЗА

Ник. Москвин.— Московский вечер.
Евгений Кригер.— Сестра из Артура.
А. Новиков.— В таверне «Трёх голубей».

РЕПОРТАЖ

Празднование XXVIII годовщины Великой Октябрьской Социалистической Революции в Москве.
К выборам в Югославии.
Суд идёт.

К 35-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ Л. Н. ТОЛСТОГО

М. Добрынин.— Гениальный художник.
Л. Н. Толстой.— Наташа Ростова. Неопубликованные варианты «Войны и мира».
Е. Канн.— Вальс Льва Толстого.
А. Никандров.— Живой Толстой.

ЛИТЕРАТУРА И ИСКУССТВО

С. Богомазов.— Детский спектакль. «Пламя мщения». Новая эстонская опера.
А. Дейч.— «Великий русский язык».
К. Зубов.— «Сотворение мира» в Малом театре.
Е. Пятакова.— Творец маршей.
В. В.— Художник Украины.
Еф. Садовский.— В гостях у Якуба Коласа.

ЮМОР

Леонид Ленч.— Дефицитная дама.

СПОРТ

М. Мартынов.— Перед зимним сезоном.

Картины и рисунки художников: лауреата Сталинской премии П. Соколова-Скаля, лауреата Сталинской премии Н. Жукова, Б. Земенкова, В. Климашина, А. Житомирского, Г. Храпака, А. Каневского.

Репродукции картин художников: М. Врубеля, Д. Кардовского, Е. Лансере, Л. Пастернака, И. Репина, И. Крамского.

Фото: В. Черткова, А. Гаранина, С. Гурарий, Я. Рюмкина, А. Устинова, С. Шингарёва, Н. Ситникова, Г. Широкова, Е. Халдея, Б. Вельяшева, В. Айзена, Н. Погостского, Х. Тельп, Ю. Леонгардт, Б. Кудоярова.

На обложке: Михаил Иванович Калинин. Рис. Б. Карлова.

ОКТАБРЬСКИЕ ТОРЖЕСТВА В МОСКВЕ

Впервые за последние четыре года наша страна торжественно и всенародно отпраздновала годовщину Великой Октябрьской Социалистической Революции в условиях мира. 7 ноября на Красной площади состоялся парад частей Красной Армии — демонстрация военной мощи Советского Союза.

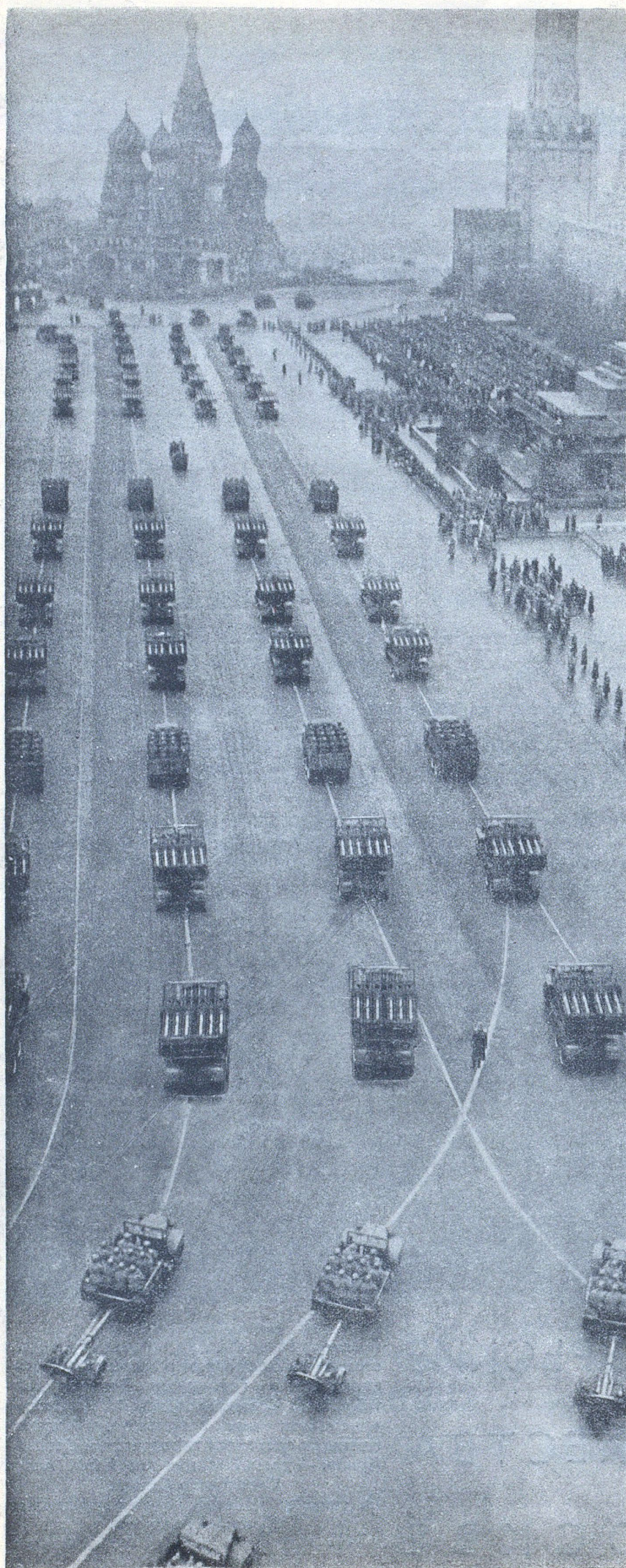
На снимке: колонна пехоты вступает на Красную площадь.

Фото А. Гаранина
(См. следующие страницы).

ДЕМОНСТРАЦИЯ ВОЕННОГО МОГУЩЕСТВА СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Полтора часа — с 10 до 11 часов 30 минут — продолжался парад на Красной площади в Москве. Мимо трибун мавзолея прошли войска всех родов оружия: пехота, кавалерия, артиллерия, моторизованные части, танки, «катюши».

На снимке слева — торжественный марш гвардейских миномётов. Фото Н. Ситникова (ТАСС)

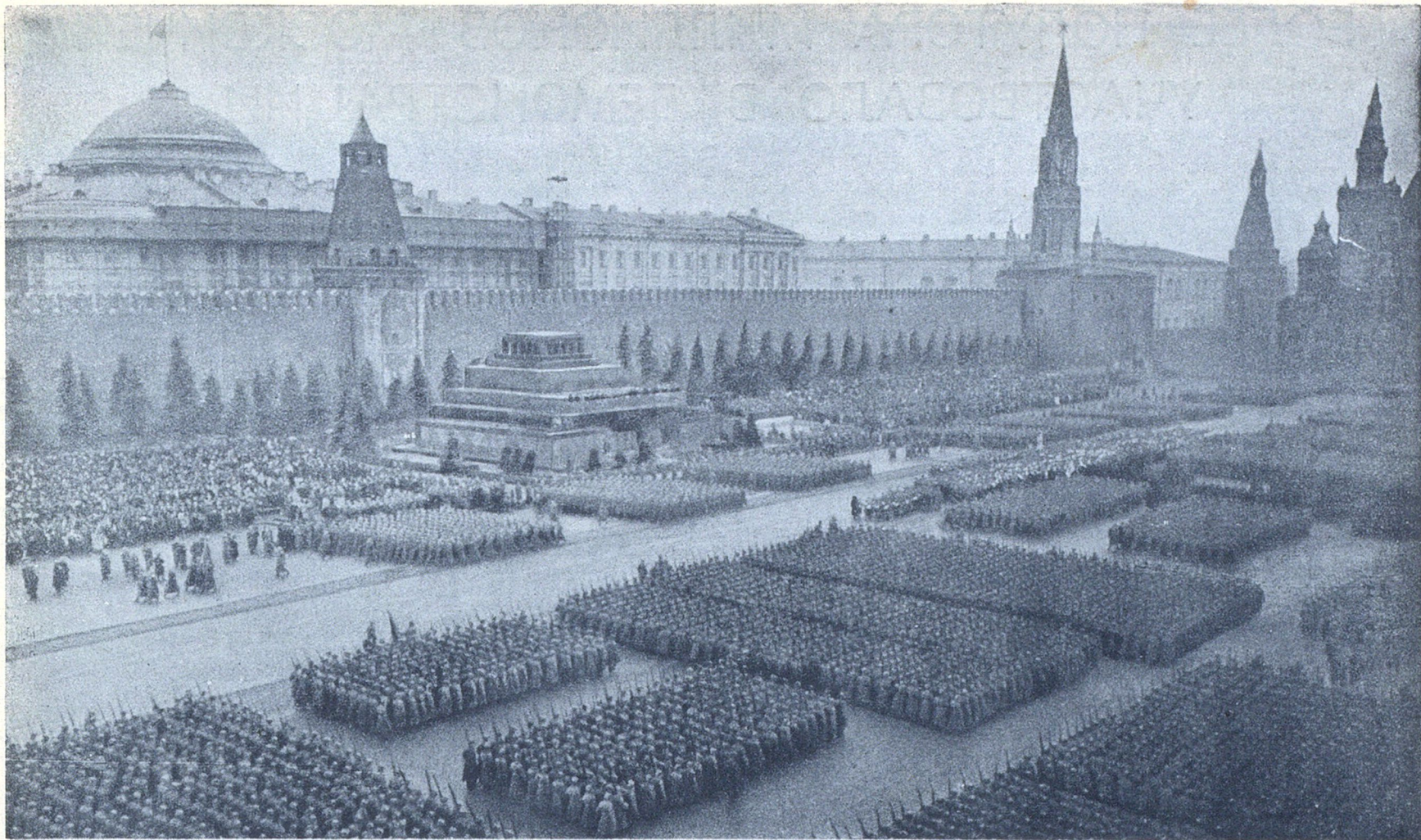
Кавалерийские части на параде.

Фото А. Гарашина

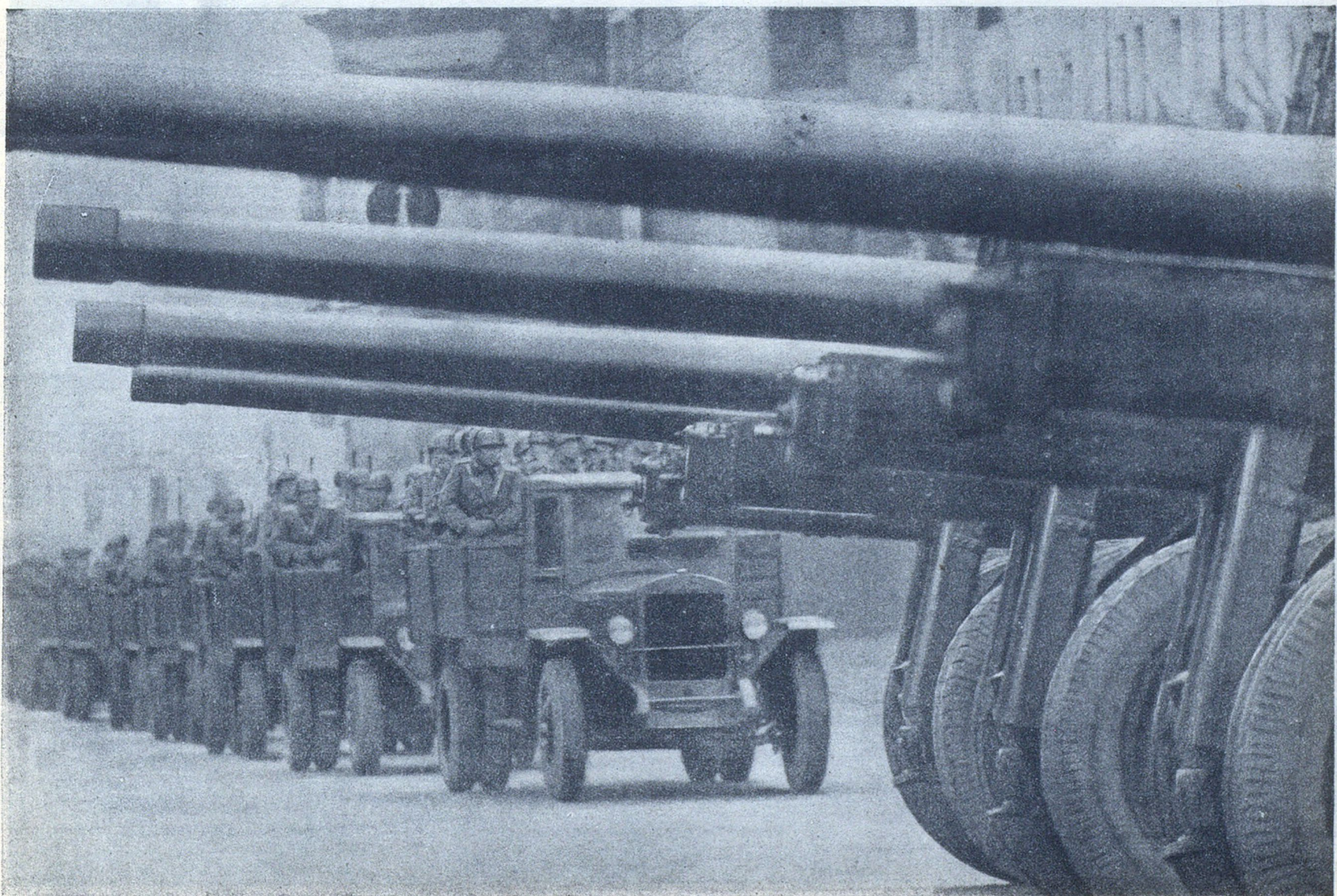
Начальник Генерального штаба Красной Армии генерал армии Антонов беседует с представителями военных миссий союзных держав.

Фото С. Гурарий

Общий вид Красной площади во время парада. Внизу — прохождение артиллерии и моторизованной пехоты.

Фото Г. Широкова (ТАСС) и А. Гаранина

БОЛЕЕ ПОЛУТОРА МИЛЛИОНОВ МОСКВИЧЕЙ УЧАСТВОВАЛО В ДЕМОНСТРАЦИИ

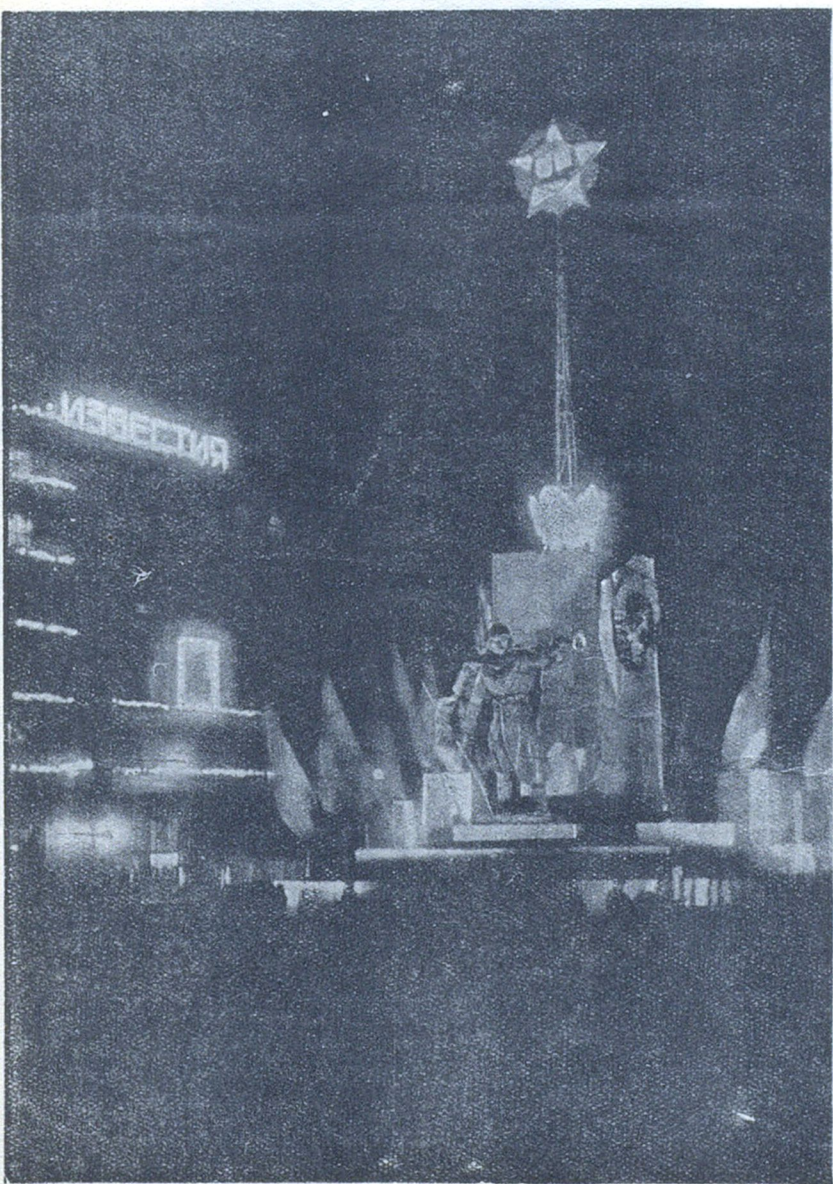
Колонны трудящихся проходят Красную площадь.

Фото Г. Широкова (ТАСС)

Салют в честь XXVIII годовщины Октября.

Фото Я. Рюмкина

Иллюминация на Пушкинской площади.

Фото А. Устинова

Площадь Свердлова вечером 7 ноября.

Фото С. Шингарёва

К ВЫБОРАМ В ЮГОСЛАВИИ

Фото Е. Халдея (ТАСС)

Свободная Югославия провела выборы в Учредительное собрание. Огромное число людей впервые получило право голоса. Сейчас в выборах принимало участие более восьми миллионов человек, тогда как до войны избирательным правом пользовались лишь три с половиной миллиона граждан.

Организации Народного фронта развернули широкую предвыборную кампанию. По всей стране проходили многолюдные митинги и собрания. На наших снимках показана массовая демонстрация молодых избирателей в Белграде. Участники демонстрации несли портреты Тито, транспаранты с лозунгами: «Мы за Тито и за республику!», «Победа Народного фронта — это победа молодёжи!»

МОСКОВСКИЙ ВЕЧЕР

Ник. Москвин

Рассказ

Рисунок А. Житомирского

1

Молодёжь штаба дивизии подражала капитану Лужайникову во всём: в манере говорить, держаться с людьми, сидеть за обедом — вплоть до походки. Всё это у него получалось как-то легко, весело, вежливо и даже красиво. Вероятно, если бы он был тихий, неприметный служака, — этих его свойств никто бы и не заметил. Но Василий Лужайников был на лучшем счету в штабе дивизии и пользовался репутацией отважного человека. Это был один из тех драгоценных для войны людей, которых не надо было ни опекать, ни проверять и уж, конечно, не сомневаться: сделает ли?

И неожиданно в нём произошла какая-то перемена. Дело для него осталось делом, но в свободные минуты он становился хмурым. Каким-то вялым.

Заметили это по мелочи. В штаб как-то вошла Ольга Алексеевна, врач из медсанбата, и Лужайников не встал, не предложил ей сесть. Это не походило на него. Молодые штабные работники переглянулись, и один из них, подражая прежнему Лужайникову, поспешил усадить Ольгу Алексеевну. Капитан хмуро смотрел на вошедшую.

— Что угодно-с? — спросил он, еле разжимая губы.

Это было даже смешно. Все в штабе — и Лужайников тоже — любили эту немолдую, с добрым и весёлым характером женщину, и вдруг это злое, шипящее «угодно-с».

Капитан Ремизов, друг Лужайникова и однополчанин по ровесским боям, перед отъездом в Москву зашёл к командиру дивизии. Полковник собирался прилечь и уже снял очки.

— Не беспокойтесь, Константин Иванович, — сказал Ремизов, когда заметил, что командир дивизии потянулся за очками. — Дела и бумаги все у меня в порядке. Я пришёл только проститься.

— Ну, счастливо... Желаю лёгкой дороги, — полковник, помедлив, всё же надел очки. — Ещё одно дело к тебе будет... Что это с Лужайниковым? Ты ему приятель. Может быть, знаешь? Ходит какой-то чужой, тёмный, будто что-то потерял...

— Так точно, Константин Иванович, потерял! — Ремизов улыбнулся. — Веру в женщин он потерял.

— Письмо из дому, что ль?

— Да, от жены...

— Что же в письме?

— Не знаю. Но так, по одной фразе Лужайникова, я понял, что женщины — это вообще такой народ...

— Вот напасть! — полковник, вздохнув, провёл рукой по волосам, стриженным ёжиком. — Подзреваю, в чём дело... Это бывало. Хороший, умный человек, воспитанный, со вкусом, и вдруг женится, выбирает, как говорится, в подругу жизни чорт знает кого! Что-нибудь пустое, вздорное! Но, замечьте, красивое! А потом, вот, нате вам: теряет веру в женщин! Не такую

ему надо было искать!.. Так вот, Ремизов: зайдите, пожалуйста, в Москве к его жене и отрегулируйте это дело так, чтоб Лужайников был опять прежний.

— Да я её совсем не знаю, Константин Иванович! И Василий ничего про неё не говорил... Он скрытный, ну, а я не расспрашивал...

— Неважно... Человеку с фронта всегда рады. Да такие женщины обычно быстро знакомятся.

2

Площадь перед вокзалом лежала без снега, но асфальт на ней был ещё мокрый и чёрный. На солнечной стороне он, высыхая, дымился; низко стаял над ним белесый парок. Ремизов даже улыбнулся этой милой примете весны. Была двойная радость: и в Москве и весна — всё вместе.

Расталкивая этот белесый парок, Ремизов прошёл через площадь. В сквере между деревьями лежал тёмный, в проталинах, словно износившийся снег. Но улица, которая открылась перед Ремизовым, была совсем сухая. Вдали над ней шли лёгкие молодые облака — тихие предвестники будущих майских гроз.

И когда он вошёл в номер гостиницы и из открытого окна увидал на чистом, голубом небе золотой крест ближней церкви и весёлых галок, с ребячьим озорством сталкивающихся друг друга с золотой насесты, чувство городской весны всё ширилось в нём, росло. И вечером, после хлосогливого дня в военных канцеляриях, бродя в синих влажных сумерках от театра к театру, он всё хранил это чувство, хотя от померкнувшей панорамы весны осталось только лёгкий, звонкий воздух.

Этот воздух напомнил ему знаменательную для него встречу в Саратове. Как всё хорошо началось в тот далёкий и мирный весенний день! А что случилось из их жизни? Какая-то чехарда раздоров, которая тянулась два года.

«Да, и мне тогда досталась пустой, вздорный человек, — подумал Ремизов, вспомнив слова полковника. — А ещё мелочность, сплетни и дремучая глупость, которые заполняли всю жизнь Клавдии».

И тут Ремизов впервые с неприятно подумал о поручении полковника зайти к жене Василия. «Как это я буду улаживать их отношения? Да и зачем соединять несоединимое?.. Не лучше ли им в разные стороны?.. Где-то теперь она?» — вспомнил он снова Клавдию.

Билеты в театрах были все раскуплены, и Ремизов отправился в кино. Шла картина на военную тему. После фронта любопытно и немного забавно было смотреть на актёров, которые в чересчур чистом обмундировании лежали в чересчур грязных окопах. Они поминутно вскакивали и кому-то рапортовали, произнося чёткими, хорошо поставленными голосами длинные титулы.

До картины показывали военную кинохронику. На экране было много снега, освещённого солнцем, и от этого в зрительном зале было светло. В этом неверном бело-голубом свете Ремизов увидал рядом с собой красивую, лет двадцати пяти женщину, которая внимательно, даже слегка подавшись вперёд, смотрела на экран.

Когда же стали показывать картину, она откинулась назад а потом стала поглядывать в сторону Ремизова. Их взгляды встретились. «Она сейчас со мной заговорит», — подумал он, замечая, что женщина даже чуть повернулась к нему. И, сам не зная, почему, он решил помочь ей в этом.

— Вы что же картину не смотрите? — сказал он ворчливо-шутливым голосом.

— Я её уже видела, — тотчас отозвалась она. — Я пришла только из-за новой кинохроники... Мужа жду увидеть. Раз так я его в кинохронике встретила...

— Ну, на это трудно рассчитывать, — сказал он.

— Да... Ну, а вдруг, — она приподнялась, и Ремизов увидел вблизи своего лица её красивые печальные глаза. — Вы простите, я вас побеспокою... Я хочу уйти...

И она, пригибаясь, прошла рядом. «Вон как всё просто объяснилось!» — подумал Ремизов. Ему почему-то было досадно, что женщина, оказавшись, глядела не в его сторону, а просто приоткрыла в темноте свой путь к двери; и что охотно отозвалась на его слова, вероятно, потому, что надо было объяснить и ему и соседям по ряду, почему она уходит, почему беспокоит их среди сеанса.

С этим смутным чувством досады он вышел из кино. Когда он увидел ночную, под мирным звёздным небом улицу — шумную даже в этот поздний час, когда он услышал вокруг себя говор расхопившихся по домам людей, — он понял, что это не досада, а одиночество. Одиночество в городе, где у него не было знакомых и близких. И странное дело: ещё недавно с неохотой и негладко думая о визите к жене Василия, он сейчас почувствовал, что, в сущности, во всём большом городе единственно близким человеком является неизвестная, незнакомая ему — судя по догадкам полковника — пустая и глупая женщина. И сейчас было всё равно, какая она — пусть всякая! — но она связывала его с Василием, с фронтом — с тем беспокойным, страшным, но обжитым миром, который война сделала его домом.

День прошёл в военных управлениях, он устал, после позднего обеда хотелось спать, и поэтому, подходя к дому Лужайникова, он решил быстро выполнить поручение и отправиться к себе в гостиницу. Но так сложилось, что не смог сразу заговорить о деле.

Перед ним сидела женщина лет тридцати — ровесница Василия Лужайникова или на год, на два моложе его. Тёмные, с рыжеватым отливом волосы хорошо шли к её синему платью. Черты её лица были неправильны, но небольшой рот и маленькие розовые ушки делали её женственной и привлекательной. Главное были глаза: они освещали лицо то спокойным, то каким-то насмешливо-приветливым светом.

Уже с первого взгляда, с первых слов, по какому-то невинному чувству стеснённости, охватившему Ремизова, он понял, что эта женщина не из тех, о которых говорил полковник. И, вероятно, поэтому он не мог сразу — как решил — приступить к

письму, полученному Василием. Наконец, он решился:

— Я не знаю содержания вашего письма, но Василий прочёл его при мне, и я заметил, какое впечатление оно на него произвело... Если человек не говорит сам, то неудобно расспрашивать... Единственное, о чём я спросил: здоровы ли у него дома? Он ответил, что да, всё благополучно...

— Да, я знаю, — сказала она, — что именно в моём письме ему не понравилось...

Женщина помедлила, как бы раздумывая: сказать или нет? И поэтому Ремизов поспешил заметить:

— Не подумайте, Мария Андреевна, что я хочу это знать... Это — ваше дело. Но хотелось бы, если это можно, как-то успокоить Василия...

И он заговорил о том, какой Василий был и какой он в последние дни стал, о расстройстве и разлуке, которые всё обостряют. Говоря это, он думал: «А всё же: что такое она там написала?» Но, узнав теперь жену Василия, он был уверен, что ничего плохого эта женщина написать не могла, а если невольно и написала, то при её уме и чуткости (а он в душе уже награждал её этими качествами) она, конечно, тотчас исправит это, успокоит Василия.

— Я не хочу его успокаивать, — она отвернулась и смотрела на лампочку под пёстрым абажуром, горящую на её небольшом письменном столике, который стоял в углу комнаты. Ремизов заметил в её освещённых глазах выражение упорства и усталости. — И это не будет с моей стороны жестоко, — продолжала она. — Это не по капризу... Я не хочу отказываться от того, что я написала в письме, из-за его же интереса... — она вздохнула. — Ах, вы многого не знаете!.. Не хотите ли ещё чаю?

— Спасибо... А впрочем, пожалуйста.

В движении её рук, когда они касались стакана, ложечки, чайника, была лёгкость и какая-то изящная сдержанность, напоминавшая Ремизову Василия.

— Вы многого не знаете, — сказала она, принимаясь чистить щипцами на скатерти. — Вы не знаете, каким человеком я приняла Василия!.. Восемь лет назад, когда мы поженились, это был парень с грубоватыми повадками, с мешанским характером и вкусом. Он любил вещи и не любил людей. А вещи он любил прочные, громоздкие — какие-нибудь пазухи комоды, дубовые табуретки... Он не терпел, когда вещи уходили из дома: он берёт каждый черепок. Людей он призывал только ловких, жуликоватых. Всех остальных звал «шляпами». У него не было товарищей: ему не надо было делиться с кем-нибудь мыслями. Он был сам в себе. Женщины ему нравились толстые и глупые. И это понятно: толстые женщины обычно добры, и они прощали ему многое. А если глупые, то ему легко было с ними разговаривать... Он любил радиотехнику. Его, вон тот, стол был усыпан железом и медью. Книжки — только технические. Я как-то в первый год нашей жизни решила ему почитать вслух «Анну Каренину». Он заскучал. Оперу он любил, но какую-нибудь

сложную пьесу он не сразу понимал: мне приходилось дома ему объяснять... Вы вон улыбаетесь... Впрочем, я вас понимаю: вам трудно поверить...

Она искоса посмотрела на него и смущённо улыбнулась.

— Да нет, Мария Андреевна! Я вам верю! — быстро сказал Ремизов. — Но, право, это так не похоже на теперешнего Василия!..

— Однако это так и было, — она потёрла какое-то пятнышко на никелированном чайнике и вздохнула, вспоминая, вероятно, гораздо больше, чем рассказывала. — И при всём том полная самоуверенность, — помедлив, продолжала она. — Ходить мне с ним к людям, в общество, было чистое мученье! Он говорил каким-то напыщенным, казённым языком. Сказав какую-нибудь затасканную остроту, он смеялся первым — смеялся громко, раскатисто... Всё в нём было не так... Здороваясь с женщиной, он первый протягивал ей руку. Он мог сидеть, когда женщина стояла перед ним. Если я ему говорила об этом, он отшучивался дурацкой шуткой о «равноправии»... А как он вёл себя за столом! Страшно было смотреть. Нож и вилку держал не в пальцах, а в крепко зажатых кулаках, будто собирался резать не кусок мяса, а дерево или подошву.

Встав из-за стола, она прошла по комнате. Заметив зеркало, поправила волосы. Но рыжеватая прядь снова спустилась.

— Это, конечно, мелочи, но главное, — сказала она, отходя от зеркала. — Но вы можете спросить: как этот человек — от крупного до мелкого посторонний мне — вдруг стал моим мужем?.. Это трудно объяснить... В нём была какая-то жизненная сила, которая привлекала меня. Кроме того я заметила, что я могу помочь ему, могу воспитать его. Он ведь самолюбив. И когда я говорила, это плохо, а это грубо, а это глупо, — он прислушивался к моим словам. Мне сначала надо было сбить его самоуверенность и самолюбленность, развить чувство товарищества: он не один в мире живёт! У него появились приятели, а за ними — какие-то интересы помимо самого себя. Он понемножку стал вылезать из своей мешанской скорлупы... Потом я стала учить его, как держать себя с людьми... О, конечно, всё это было не сразу... День за днём, год за годом...

Она замолчала. Ремизов хотел, но не знал, что сейчас надо ему сказать. Он только вдруг почувствовал благодарность к этой женщине и удивление. Так, вероятно, удивляются умным, волшебным рукам скульптора, который из куска глины создаёт человека, орла или пусть даже только яблоко. И, почувствовав это, он захотел чем-то отблагодарить, порадовать женщину.

— Я, Мария Андреевна, не судя, — улыбаясь, сказал он, — но должен объявить вам, что ваши успехи уже достигли того уровня, что Василию давно уже подражает наша штабная молодёжь.

Она, смутясь, замахала руками: «Ну причём тут я! Теперь уж он сам», — но всё же стала расспрашивать об этом, стараясь шутливым тоном скрыть свою заинтересованность. Он, отвечая, смотрел

на её порозовевшее от похвалы лицо; видел блеск её милых глаз и думал о том большом восьмилетнем чувстве, дыхание которого сейчас коснулось его. Он вспомнил Клавдию: да, незатейливый, тусклый мирок открылся ему тогда на этой недолгой пристани...

— Пусть только одному не подражают, — с притворной строгостью сказала Мария Андреевна. — Не подражают его ревности! Вот с чем я ещё не справилась... Оснований у Василия для этого нет никаких, но всё же... Правда, теперь всё реже и реже эти вспышки недоверия... Но я ему не потакаю! Я не начинаю его разубеждать, оправдываться... Я вам скажу, что я написала в том письме... По профессии я инженер-строитель. Сейчас мы проектируем сборные стандартные дома для жителей районов, разорённых немцами. Мы работаем бригадами. В нашей бригаде есть некто Велихов — мой товарищ по институту. Василий его знает и почему-то считает, что... Короче говоря...

Она прошла к своему письменному столу и, порывшись там, подала Ремизову телеграмму. «Перемени бригаду. Василий», — прочёл он.

— Это он мне прислал четыре дня назад в ответ на то письмо, — она с ласковой насмешливостью покосилась на телеграмму. — Видите, мне тут строгий приказ: «Перемени!» Но я, конечно, и не подумаю! Это моя система: не поощрять всякий вздор.

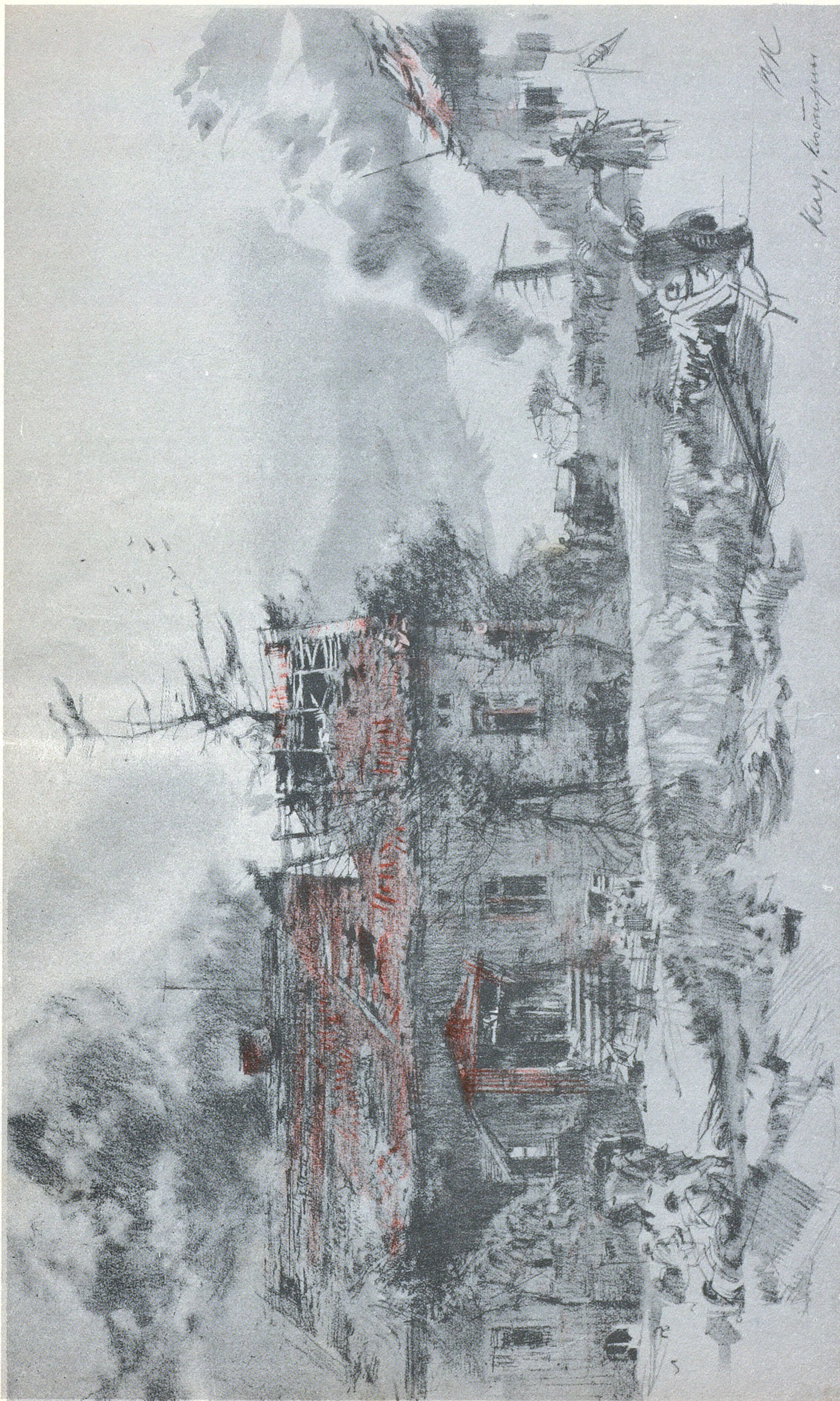
Ремизов не мог не улыбнуться: после того как он узнал Марию Андреевну, увидел её милые, правдивые глаза, подозрения Василия, действительно, показались ему вздором.

— Впрочем, если вы считаете, — сказала она, помолчав, — что я должна его успокоить... Ну, военная обстановка... Ну, он может быть хуже от этого... То я это сделаю: перейду в другую бригаду.

— Нет, нет, глупости! — воскликнул Ремизов. — Никуда не переходите! Я приеду и сам поговорю с Василием.

Поручение было выполнено, но Ремизов не сразу ушёл. Разговор, перекидываясь, заходил то об армии, то о Москве. Ремизову было всё равно, о чём говорить, лишь бы ещё побыть в этом доме. Вчера в кино, когда какая-то женщина пришла увидеть мужа в хронике, он почувствовал одиночество; сейчас, за этот вечер, тоже, но ещё более ощутимо, прошло мимо него большое и настоящее чувство женщины. Но одиночества уже не было. Он сидел, словно у себя в доме, но в том немудрёном, мелочном, который когда-то был у него с Клавдией, а в другом, в доме-пристани, который, как он теперь понял, держался у него где-то в мыслях, в счастливом будущем...

Когда он вышел на улицу, была уже ночь. На тёмносинем небе тихо светились мелкие, весенние звёзды. Выбыв на перекрёстке проводов зелёную ослепительную искру, покатылся по ночному Садовому колючу приземистый троллейбус. Над Смоленской площадью стояла молодая луна. К ней, как к причалу, подходило из тёмносинего безбрежья облако, уже освещённое огнями пристани.

Штаб Чуйкова под Берлином.

Рисунок В. Климашина.
Студия имени Грекова.

В Тюрингии.

Рисунок В. Климашина.
Студия имени Грекова.

СУД идёт

ПРИБЛИЖАЕТСЯ ЧАС, КОТО-
РОГО С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДУТ
ВСЕ НАРОДЫ, — ЧАС СУДА
НАД ГЛАВАМИ ГЕРМАН-
СКОГО ФАШИЗМА

Вскоре в Нюрнберге, там, где на собраниях германской фашистской партии раздавались исступлённые призывы к порабощению народов, начнётся процесс главных немецких военных преступников.

Перед Международным Военным Трибуналом, состоящим из представителей СССР, США, Великобритании и Франции, предстанут 23 участника правившей гитлеровской шайки: главы фашистской партии, министры, дипломаты, гаулейтеры, генералы, адмиралы. Перед судом народов предстанёт весь гитлеровский режим, с его идеологией бандитского империализма и зверского, безудержного террора.

Бесчисленны преступления гитлеровцев, бесчисленны улики их кровавой вины перед человечеством. В числе этих улик имеются документы, найденные у самих преступников. Усладясь собственной кровожадностью, немецкие садисты и изверги фотографировали во всех кошмарных подробностях массовые расстрелы, предсмертные мучения своих жертв.

Мы приводим одну из таких улик — фотоснимки из альбома, составленного одним из немецких офицеров и найденного нашими артиллеристами в Восточной Пруссии, в немецком офицерском блиндаже.

Проверьте страницу.

Первое заседание Международного Военного Трибунала по делу главных немецких военных преступников. На этом заседании, состоявшемся 18 октября в Берлине, главные обвинители от СССР, США, Великобритании и Франции вручили Трибуналу тексты (на четырёх языках) обвинительного заключения.

На снимке внизу: выступление главного обвинителя Международного Военного Трибунала от Советского Союза Руденко.

Фото Б. Вельяшева и В. Айзена

**СУД
идёт**

Продолжение

(см. предыдущую страницу)

Эти снимки сделаны разбойником в немецкой офицерской форме в окрестностях города Шауляй (Литовская ССР) в июле 1941 года. Они воскрешают перед нами такие же ужасы, творившиеся в киевском Бабьем Яру, на окраинах Харькова, Смоленска, Краснодара, Керчи и многих, многих городов, местечек и сёл советских областей и

районов, находившихся под временной оккупацией гитлеровских орд.

Вовеки не забудется это страшное, палящее сердце зрелище: измученные, познавшие всю юдоль страданий—голод, побои, издевательства—советские граждане переживают свои последние минуты. Немецкие палачи заставляют их рыть себе могилы. Вдали, на пригорке, окружённая конвоем фашистских тюремщиков, ждёт своей очереди большая группа смертников. Обратите вни-

мание на немецкую солдатню, стоящую слева: палачи наготове. Они ждут хладнокровно, когда будет вырыта могила и они смогут выполнить своё подлое дело.

На снимке внизу — фотообъектив немецко-фашистского мерзавца запечатлел следующий этап расправы. Только что прозвучал первый залп. К краю могилы подведена вторая группа обречённых. Немецкие солдаты уже приставили пистолеты к затылкам своих жертв.

Могила заполнена почти до самых краёв. Всё меньше остаётся людей на пригорке. Через несколько минут не станет и тех, которые сидят недалеко от могилы и ждут смерти.

Вглядитесь в верхний фотоснимок. Во рву, среди трупов, можно различить маленький чемодан; на склоне ямы валяется футляр, в котором, быть может, хранится скрипка только что убитого музыканта. Проклятая фашистская банда, уводя узников на казнь, скрыла от них, что их ждёт. Им солгали, опасаясь огласки и сопротивления. Их заверили в том, что переводят в другое место заключения. И люди захватили с собой, в свой последний путь то, что напоминало им о жизни...

Всё это творилось в окрестностях города Шауляй в один из июльских дней 1941 года.

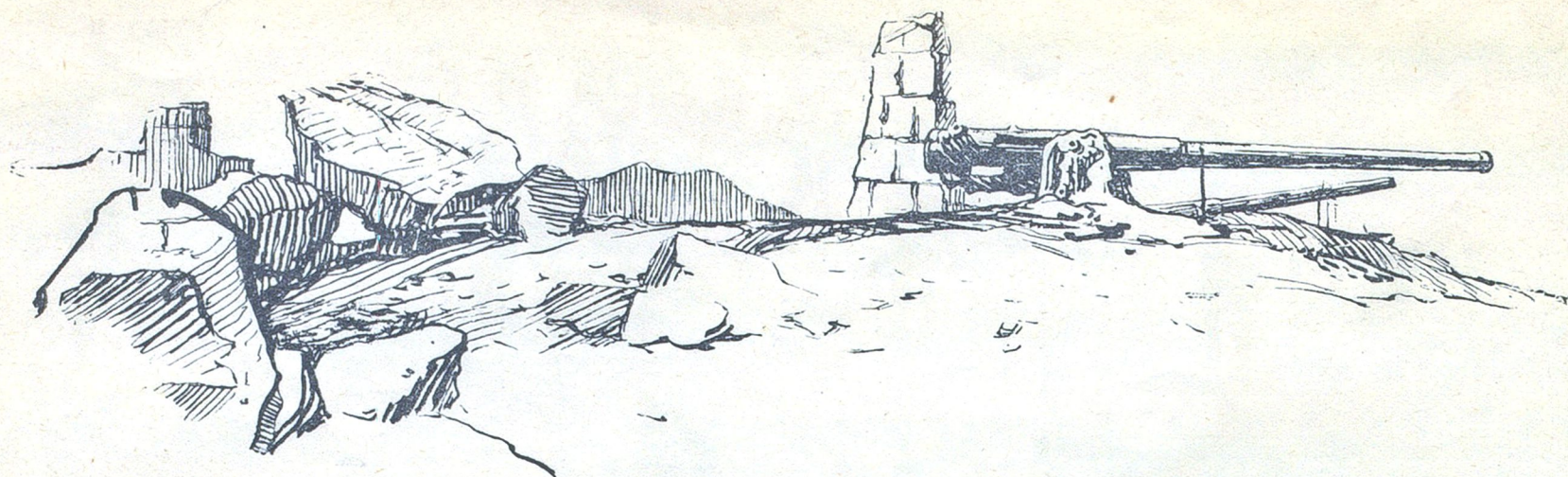
А вот фотоснимок справа из того же немецкого альбома. «Рига. Городская тюрьма», — гласит подпись, сделанная гитлеровским офицером. Шестеро фашистских палачей вешают на перекладине, переброшенной через ямы, схваченного ими в Риге советского юношу. Они любят дело своих подлых рук.

Довольно!

За пролитую кровь безвинно загубленных советских людей, за убийства в Шауляе и Риге, за Майданек, Освенцим и прочие лагеря смерти, за 26 миллионов погибших безоружных стариков и женщин, детей, за зверские расправы с военнопленными головами своими ответят презренные вдохновители и организаторы массовых убийств: Геринг, Розенберг, Риббентроп — и другие гитлеровские изверги.

Всех их к ответу, всех до последнего! Никаких изъятий и послаблений!

Порт-Артур. Следы боёв 1904—1905 г. во время русско-японской войны.

Рисунки Г. Хражака

СЕСТРА ИЗ АРТУРА

Евгений Кригер

Помимо местного торговца Белова и хранителя русского военного кладбища Исаева в Порт-Артуре не было при японцах никого из русских людей. Город, где каждый камень и каждая горсть земли напоминают о событиях страшной, доблестной обороны, был для нас как бы немой — панораму старых фортов и береговых батарей, повисших на скалах у моря, никто не мог оживить воспоминаниями о прошлом. Лишь неугомонное море да ветер, шевеливший ветвями маньчжурской сосны, сопровождали нас в скитаниях по местам, памятным каждому русскому.

Бесполезно было, повидимому, искать современников портартурской трагедии. С тех пор прошло сорок лет — много воды утекло, много оборвалось человеческих судеб, а тех, кто остался в живых, нет уже в крепости: они доживают свой век далеко от берегов Жёлтого моря. Нет и, казалось, не может быть в окрестностях Порт-Артура современников адмирала Макарова, людей, видевших Кондратенко, Иолшина, Белого, генералов, офицеров, солдат, проливших свою кровь на артурских фортах. Остаются для нас только книги, старые письма и рукописи: у них век подлиннее человеческого.

Но вот однажды пронёсся глухой слух о том, что на Ляодунском полуострове есть где-то живая душа, есть женщина, пережившая осаду 1904—1905 года. Она была сестрой милосердия в дни обороны. Нам показали сохранившуюся с того времени книгу, где несколько слов уделено её подвигу. Там же увидели мы фотографию немолодой уже женщины в белом платке госпитальной сестры — худенькое личико, впалые щёки, тяжёлые, как будто набухшие от бессонницы веки. Евгения Ильинишна Едренова, сестра из госпитального барака № 24.

Книга была старая, изданная в 1905 году, с пожелтевшими страницами и выцветши-

ми чернильными пометками на полях. Трудно было поверить, что один из её героев может быть где-то поблизости. Но молва упорно твердила: сестра милосердия жива, не так давно её видели в Дальнем, или в Дайрене, как называли этот порт при японцах.

Мы последовали за молвой в Дальний. У нас не было никакой надежды найти артурскую сестру в громадном городе, где подавляющее большинство населения составляют китайцы и японцы, где, как в каждом тихоокеанском порту, жизнь круто перемешивает судьбы множества искателей счастья всех рас, национальностей, профессий и подданств. Десятки людей, опрошенных нами, ничего не знали о Едреновой. Наконец, мы напали на след одного русского, владельца гостиницы, который привёл нас к дому артурской сестры.

Это был небольшой дом на склоне горы, в отдалённом квартале. Мы постучались. Навстречу нам поднялась с кресла маленькая, сухонькая, совершенно седая женщина, одетая в тёмное старомодное платье, какие носили полвека назад. Старушка шурила глазами, пытаясь разглядеть, что за люди пришли к ней, и, только услышав русскую речь и промелькнувшее быстро слово «Москва», тихонько ахнула, всплеснула руками и принялась усаживать нас на скрипучие, древние стулья. Через минуту она вытащила из закоулков множество старых книг о портартурских сражениях, карты крепости с пометками наиболее густого падения японских 12-дюймовых снарядов, пожелтевшие любительские снимки русских броненосцев в бухте под Золотой горой, подаренные ей на память фотографии солдат и офицеров артурского гарнизона — её добрых знакомых во времена обороны. Это были реликвии артурской сестры. Все эти годы она жила только воспоминаниями.

Ей семьдесят девять лет. Сорок лет назад она видела, как с сигнальной вышки на Золотой горе был снят русский флаг: преданный Стесселем Порт-Артур был сдан японцам.

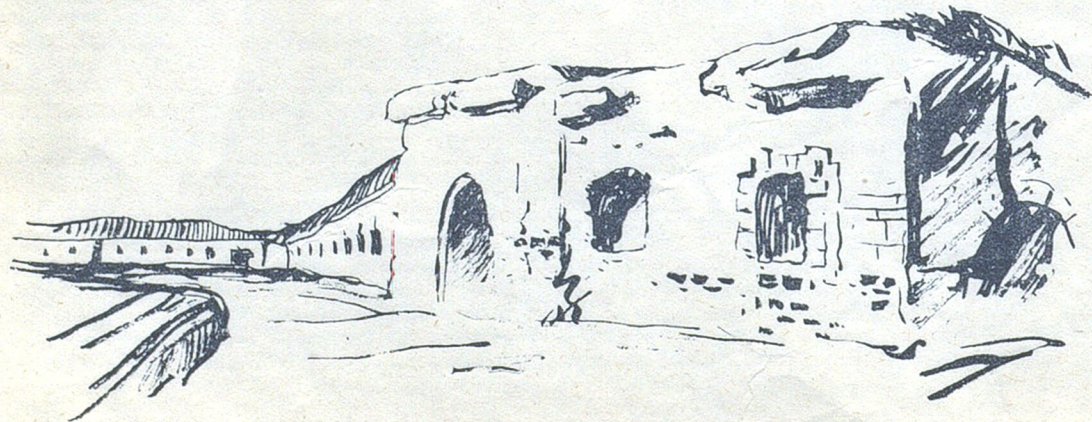
— Сорок лет я ждала, когда флаг родины снова вернётся в Артур, — почти молитвенно сказала старая женщина. — Я верила, что он вернётся. Теперь я могу сказать: «Ныне отпускаешь, раба твоего, владыко!» Я увижу наш флаг и тогда смогу спокойно умереть.

Она говорила серьёзно и строго, и мы ей поверили.

Евгения Ильинишна свято хранила в памяти всё, что связано с судьбой Порт-Артура в 1904—1905 годах. Люди, которых мы знаем только по историческим книгам, живы для неё до сих пор. Необычайная в её возрасте живость ума, чувство юмора и наблюдательность, а главное, любовь к России и ко всему русскому — всё это пленительно действовало на нас, и мы, увлечённые внезапно возникшей идеей, предложили артурской сестре отправиться с нами в милый ей Порт-Артур. Сказали и сами испугались вздорности своего предложения: по силам ли больному, старому человеку такое путешествие! К великому нашему удивлению, Евгения Ильинишна сама тут же увлеклась нашей идеей и только спросила, к какому часу быть ей готовой к поездке. Она просто сияла от радости и сразу принялась хлопотать, собираясь в дорогу.

Возвращаясь к её дому в назначенный час, мы были уверены, что старушка раздумала. Но она в нетерпении ждала нас, принарядившаяся, в старом, тщательно вычищенном пальто, в соломенной шляпке, очевидно, годами хранившейся на дне сундука для торжественных случаев, и с дорожным баульчиком на коленях. Всё население дома провожало её. По русскому обычаю, мы посидели минутку перед тем, как выйти из дома, ожидали, что автомобиль испугает старушку. Это был трофейный японский штабной автомобиль, неудобный, нелепый, издававший злоеший треск и грохот своим двухцилиндровым мотором. Забраться в него было чрезвычайно трудно. Но Евгения Ильинишна отважно вскарабкалась с нашей помощью на своё место. Мотор заревел, и мы тронулись в путь.

Удивительная, хватающая за сердце картина русской крепости на берегу Печилийского залива вновь открылась перед нами. Скалистые, изрезанные бухтами берега, угрюмые вершины Ляотешаня вдали, сопки с фортами и батареями на вершинах, внутренний рейд в ковшеобразной бухте, замкнутой мысом «Тигровый хвост», внешний рейд, где погиб «Петропавловск», и за ним море, море до самого горизонта... Пожалуй, только в Крыму или на кавказском побережье есть места такой одухотворённой и

Порт-Артур. Старые форты.

щедрой красоты. На вышке, где снят был когда-то русский флаг, стоял краснофлотец и семафорил что-то советскому пароходу, входившему на внутренний рейд. Евгения Ильинишна смотрела на него, как заворуженная, и прикладывала платочек к глазам.

— Вот эта улица, Пушкинская, вся была разбита снарядами, — сказала она помолчав. — Но, если бы не Стессель, разве кто-нибудь из нас допустил бы хоть на минуту мысль о сдаче Артура! Его все ненавидели, этого Стесселя, с его Фоком. Офицеры собирались убить его. Не решились поднять руку на царского ставленника. И мы приняли позор на солдатской крови. Милые, как же хорошо, что вы все вернулись сюда, в наш Артур!

Евгения Ильинишна показала нам свой госпитальный барак на Перепелиной горе, которую называет она «Перепёлочкой», и притронулась рукой на груди к узкой, продолговатой броши, оправленной в золото. Это был кусочек тёмного металла — осколок снаряда, разорвавшегося у госпиталя сорок один год назад. На блузке у артурской сестры был ещё бронзовый крест с односложной надписью: «Порт-Артур». Им награждали тех, кто выдержал все 329 дней обороны.

Учительница Евгения Ильинишна Едренова впервые приехала в Порт-Артур в январе 1901 года и поселилась в семье местного инженера-путейца в качестве воспитательницы двух его девочек. В Петербурге её пугали, что Порт-Артур — страшная дыра на дальнем краю азиатской земли, и скромная учительница была поражена, увидев вокруг себя блестящее общество, сорившее направо и налево деньгами, жившее на очень широкую ногу. «Знаете, уж очень они веселились — так бывает перед бедой, — сказала старая женщина. — Шампанское лилось рекой. В 1902 году была в Порт-Артуре с визитом французская эскадра, и наши дамы тряхнули такими туалетами, что французы просто руками развели, не ожидали увидеть здесь парижские моды. И не к добру было это веселье. Я потом перешла в гимназию учительницей, работала в библиотеке. Ночами занималась переводами. И в ночь на 26 января 1904 года, как всегда, сидела перед сном на террасе, и тут беда и пришла. Шум, грохот, пушки стреляют, а я, представьте, сижу спокойно в ночной кофте. Днём нас предупредили, что будет учебная минная атака, я и думала, что вся стрельба та самая, учебная. Помню, потом морских офицеров упрекали, что вечером они засиделись у мадам Старк, в Новом городе. Но это неверно: морячки были у Старков днём, а не вечером. Многие вообще говорили. А правда одна — в ту ночь беда пришла в наш Артур».

Сорокалетняя учительница Едренова в первые же дни войны 1904 года пришла в госпиталь и спросила, нужны ли врачам её руки для ухода за ранеными. Ей ответили, что нужны.

— Когда же я понадоблюсь? — спросила учительница.

— А вот прямо сейчас и понадобитесь, — сказали врачи, и с той минуты Евгения Ильинишна Едренова на все дни осады осталась госпитальной сестрой в барак № 24 на Перепелиной горе. В свободное время, нечаями, она шила бельё для солдат, бегала по знакомым, собирая пожертвования, носильные вещи, одежду для раненых, возмущаясь нищетой и бездеятельностью, казённой, беспорядком в организациях Красного креста.

Евгения Ильинишна помнит всё это так живо и близко, будто и не было тех сорока лет, что отделяют нас от времён обороны Артура. «Чижик мой!» — говорит она о лейтенанте минного крейсера Басове, приносившем из своего жалованья 250 рублей ежемесячно на кормёжку раненых, не считая туфель, брюк и рубаш, которые он за свой счёт покупал для них на базаре. «Такой маленький, шупленький — и всё солдатам, всё солдатам, а себе ничего, — вспоминает сестра. — И ещё рентгеновский кабинет нам устроил, Чижик мой!»

Потом она вытаскивает фотографию высокого, стройного офицера в мундире с аксельбантами, в эполетах, с двумя орденами и двумя медалями. У него маленькая борода,

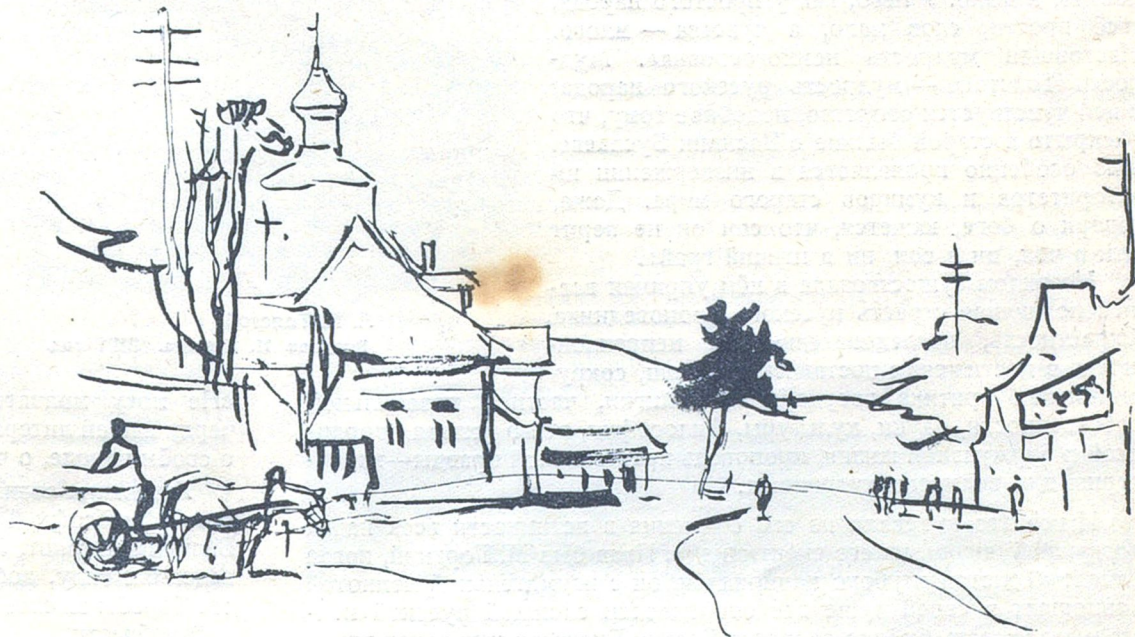
ка, усы и взгляд удивительно ясный, но серьёзный и строгий.

— Я их всех прозвищами тогда снабдила, — рассказывает старуха. — Это Светик!

Можно себе представить, с каким вниманием мы стали рассматривать старую фотографию, когда выяснилось, что «Светик» — это знаменитый капитан Василий Николаевич Никольский, известный всем историкам портартурской обороны, изобретатель русской гранаты, приводившей в ужас японцев!

— Да, да, Светик изволил работать на Тигровке, там свои гранаты из всяких жестянок и ведёр делал и всё заставлял детвору собирать ему старые консервные банки. Порт-Артур ведь ничего уже не имел: все пошло на фронт; металл ценился, как золото, и Светик додумался до этих самых жестянок.

Все мы знаем по книге Степанова «Порт-Артур» батарею Электрического утёса и её командира Николая Ивановича Жуковского. Для нас он один из героев книги, а сестра Едренова помнит, как послала ему с солдатом провизию на Утёс, потому что Жуковский никогда не уходил с батареи, охранявшей пять крепостными орудиями подступы к бухте. Капитан Жуковский —

Одна из улиц Порт-Артура.

родственник артурской сестры. Она долго перебирает старые, потускневшие фотографии — Порт-Артур, грохочущий, огненный, оживает для нас.

— Пятнадцатого мая проснулись — боже мой! Дальние беженцы идут, идут... Сколько их было, голодных, оборванных, бесприютных! Это Фок проиграл бой за Кинжалоуские позиции и в один день сдал город Дальний. Как больно и страшно нам стало!

Вскоре Порт-Артур отрезали от России. Солдаты Кондратенко умирали в отчаянных контратаках — их доблесть вызывала к себе уважение даже со стороны таких жестоких врагов, как японцы. Порт-Артур голодал. Население питалось мясом убитых мулов. Отрезанные от всего мира, на клочке земли, в конце Ляодунского полуострова, русские не сдавались. Быт осаждённого города просто и очень правдиво, очень понятно для нас оживает в рассказах сестры милосердия:

— Знаете, это было и страшно и очень красиво, когда ночью разрывались над морем, над сопками японские снаряды. Станислав Карлович Плисовский всё звал нас прятаться в свой блиндаж. А я говорила ему: «Довольно вам прятаться, лучше взяли бы фотографический аппарат и снимали бы с балкона эти чудесные виды». Он не послушался и ушёл тогда в свой блиндаж. А через шесть минут я должна была его перевязывать: японский снаряд! И прямо в блиндаж! А нас на балконе не тронуло. Помню, тогда же в семью барона Франка приехала из Дальнего девушка Валевиц: интересно ей было посмотреть на бомбардировку. Сидели в квартире, потом им показалось опасно, перешли на новое место. Мадам Франк присе-

ла на качалку — и тут же ей оторвало голову, а Валевиц ранило в грудь. До сих пор слышу, как она кричит. А на солдат я готова была молиться. На мне было двенадцать палат, на двух этажах. Одна из сестёр по ночам боялась дежурить: ей всё чудилось в палатах кладбище, — я её заменяла ночами. И какое терпение у наших русских солдат, какое простое сознание своего долга и неизбежности физических мук! Редко кто-нибудь вскрикнет, а то всё молчат кротко, и с таким непонятным для нас, уцелевших, терпением, что порой хотелось кричать за них, так страшно было видеть их муку.

Евгения Ильинишна сказала нам строго, предупреждая, видимо, улыбку недоверия на наших лицах:

— Народ говорил, что на форту номер два, где убит Кондратенко, многие годы видели фигуру женщины, бродившей по земле, где пролито столько крови. Она наклонялась к камням и прислушивалась, не зовёт ли её кто-нибудь из оставленных раненых. Я не верю в видения, но вижу в этом великую память народа о героях-солдатах.

Сестра показала нам свои старые письма к отцу. Одно из них помечено сверху: «Порт-

Артур — пока ещё русский». Это были последние дни Порт-Артура. Письма с почты вернули сестре: крепость была отрезана наглухо. Вскоре все русские в крепости испытывали тяжкую муку измены: Стессель их предал. Город сдали японцам. Сестра милосердия Евгения Едренова отказалась оставить своих раненых и пробыла в барак № 24 до самого дня отправки последнего эшелона в Россию. В этом эшелоне отправлялись тяжело раненные. У одного из них, Агафонова, ампутировали обе руки и обе ноги. Кто-то спросил её, когда эшелон прибыл морем в порт Чифу: «Где вы набрали такое крошево?» Вспоминая об этом, она и теперь бледнеет от обиды и негодования. На том же пароходе везли в Россию прах Кондратенко. Сестра Едренова нашла в своём госпитале полотно для солдатских рубаш. В него завернули тело убитого генерала, вождя русской доблести в Порт-Артуре. Через Шанхай пароход с ранеными и с телом Кондратенко направился в Россию, в Одессу. Сестра Едренова помнит светский Петербург, забывший о мужестве осаждённого Порт-Артура. Ей стало больно — при первой возможности она вернулась в 1905 году в Артур и все сорок лет прожила поблизости от города, обогрётного русской солдатской кровью...

Мы представили Евгению Ильинишну генералу Людникову, который через пустыни Гоби и Хинганский хребт провёл свои войска в Порт-Артур и вернул этому городу флаг нашей родины. Генерал пожал руку артурской сестре и просил быть его гостьей столько времени, сколько она пожелает. Так, тысяча девятьсот четвёртый год русского Порт-Артура встретился с годом тысяча девятьсот сорок пятым.

ГЕНИАЛЬНЫЙ ХУДОЖНИК

М. Добрынин

Велик, многогранен и неповторим Лев Толстой. Он воплощал в себе основные качества характера великого русского народа. И, может быть, самым типичным свойством, особенно ярко поражающим всех, является его удивительная художественная мудрость. М. Горький, наблюдавший Л. Толстого, полно и ярко чувствовал эту мудрость. «А молчит он внушительно и умело, как настоящий отшельник мира сего. Хотя и много он говорит на свои обязательные темы, но чуется, что молчит ещё больше. Иногда — никому нельзя сказать. У него, наверное, есть мысли, которых он боится». Так оно, вероятно, и было. У него, как у простого народа, «всё просто, слов мало, а чувства — много. Настоящая мудрость немногословна». Мудрость Толстого — мудрость русского народа: в ней чувствуется озорство, подобное тому, что раскрыто в старой былине о Василии Буслаеве. Оно особенно проявляется в низвержении им авторитетов и кумиров старого мира. Даже, говоря о боге, кажется, что сам он не верит «ни в чох, ни в сон, ни в птичий гай».

Но рядом существовала в нём упрямая всеиспепеляющая страсть русского проповедника. Страстность, последовательность, непреклонность в достижении поставленной цели, сокрушительная критика государства, религии, частной поземельной собственности, науки, культуры, философии, всего уклада дворянской и буржуазной жизни, проповедь крестьянской правды — характерны для великого художника.

И всё это вытекало из его сомнения в истинности всех начал тогдашней жизни, из его скептицизма. Прав был М. Горький, когда писал: «Толстой глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все особенности сложной русской психики, в нём есть буйное озорство Васюки Буслаева и кроткая вдумчивость Нестора летописца, в нём горит фанатизм Аввакума, он скептик, как Чаадаев, поэт, не менее чем Пушкин, и умён, как Герцен — Толстой это целый мир».

Это противоречиво, но ведь и русская жизнь, которая породила Льва Толстого, тоже была противоречива. «Противоречия в произведениях, взглядах, учениях, в школе Толстого — действительно кричащие» (Ленин). Гениальный художник и помещик, юродствующий во Христе; сильный протест против общественной лжи и фальши и толстовец; беспощадная критика капиталистической эксплуатации и юродивая проповедь «непротивления злу» насилием; самый трезвый реализм, срывание всех и всяческих масок и проповедь религии — таковы эти противоречия. «Что при таких противоречиях Толстой не мог абсолютно понять ни рабочего движения и его роли в борьбе за социализм, ни русской революции, это само собою очевидно. Но противоречия во взглядах и учениях Толстого не случайность, а выражение тех противоречивых условий, в которые поставлена была русская жизнь последней трети XIX века» (Ленин). Эти противоречия — зеркало противоречивых условий, в которые была поставлена деятельность крестьянства в нашей революции. Крестьянским стремлениям и соответствует идейное содержание произведений Льва Толстого, в которых так своеобразно и неповторимо раскрылась его мудрость.

Л. Толстой, как никто из художников мира, обладал удивительным знанием тайных движений человеческой души, способностью проникать в глубь жизни. Вот откуда шла настоящая мудрость жизни. На эту особенность его таланта впервые указал великий русский критик Н. Чернышевский, предсказавший молодому Толстому блестящий путь.

Мир русского помещика и русского мужика, жизнь и смерть, нравственность и правда, критика и отрицание всего существующего порядка были теми вопросами, которые мучили художника всю жизнь.

Л. Н. Толстой.

Рисунок И. Репина. 1891 год.

Непосредственный глубокий интерес к мужику был так силен, что мысль о нём пронизывает все художественные, публицистические, философские произведения Толстого. Кающийся дворянин, сознающий свою вину перед народом, ищет ответа на вопрос, как праведно жить, и находит его у мужика. Замечательны в этом отношении образы Константина Левина («Анна Каренина») и князя Нехлюдова («Воскресение»). Оба они ищут ответа на вопрос, как жить, — оба идут к воскресению и находят его. Вся многообразная жизнь современного автору общества, охваченная в романах, подвергается критике и отрицанию. Камня на камне не оставляет Л. Толстой от здания старого мира, стремясь утвердить своё новое мировоззрение.

Рядом с этим всё настойчивее и ярче звучит правда мужика. Ещё в пятидесятых годах, в рассказе «Три смерти», было показано отношение мужика к смерти, а такие произведения, как «Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник», «Олёша Горшок», раскрыли изумительные образы простых русских людей, смысл и правду их жизни.

Великий протестант всю жизнь волновался этими вопросами и закончил её знаменитым

«Не могу молчать», выразив наиболее ярко самую типичную черту нашей литературы — её гражданский пафос, её вечную думу о своём народе, о человеке, о свободе.

Художник сознавал и ощущал, что простой человек, мужик, со своей философией жизни является основой и спасением общества. Великий патриот, Л. Толстой великолепно отразил в своих произведениях силу, доблесть, любовь к родине народа в грозные дни его борьбы за своё существование. «Война и мир» — эпопея народной доблести.

В самом деле, Л. Толстой дал несравненные картины русской жизни, показал глубокую эволюцию российского дворянского самосознания, раскрыл перед всем миром изумительную моральную красоту русского простого человека и, преклоняясь перед ним, выразил его мысли, чувства, надежды в своих художественных произведениях. Уйдя от аристократии, он подверг её резкой и беспощадной критике, выразив боль и страдания миллионов. «Протест миллионов крестьян и их отчаяние — вот что сплелось в учении Толстого» (Ленин). Отсюда его сила и слабость. Сила — в беспощадной, последовательной, всеразрушающей критике, в стремлении «дойти до корня», слабость — в удивительном непонимании причин кризиса и выхода из него.

Творчество Толстого так всеобъемлюще, так глубоко, что ни один художник мира не идёт с ним в сравнение. Его произведения занимают одно из первых мест в мировой художественной литературе, по-своему отражая мировое значение русской революции.

«Толстой-художник, — писал Ленин, — известен ничтожному меньшинству даже в России. Чтобы сделать его великие произведения действительно достоянием всех, нужна борьба и борьба против такого общественного строя, который осудил миллионы и десятки миллионов на темноту, забитость, каторжный труд и нищету, нужен социалистический переворот».

В Советской стране свергнуто иго помещиков и капиталистов, совершён социалистический переворот, созданы для народа человеческие условия жизни. Великая Октябрьская социалистическая революция осуществила то, о чём писал Ленин. Гениальные произведения художника стали достоянием миллионов.

«В нём есть что-то от Святогора богатыря, которого земля не держит. Да, он велик! Я глубоко уверен, что помимо всего, о чём он говорит, есть много такого, о чём он всегда молчит, — даже и в дневнике своём — молчит и, вероятно, никогда никому не скажет», — писал М. Горький. Толстой — великий мудрец русского народа.

НАТАША РОСТОВА

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ВАРИАНТЫ «ВОЙНЫ И МИРА»

Бряд ли есть в мировой литературе другой женский образ, полный такой поэзии, такого обаяния, чарующей прелести и в то же время — реальный, живой, совершенно не прикрашенный, не надуманный, не наделённый какими-то особенными чертами. Наташа Ростова — русская девушка, выросшая на русской, народной почве, на фоне русской природы, нам до сегодняшнего дня своя, родная, близкая, любимая миллионами советских читателей. По роману «Война и мир» за рубежом изучают наш народ, по Наташе Ростовской учатся любить и понимать русскую девушку во всём неисчерпаемом богатстве её душевных сил, искренности, непосредственности, простоты, мудрости и патриотизма.

Толстой, великий реалист, беспристрастный судья всех своих героев, безжалостный критик, искренний и честный художник, любил образ Наташи Ростовской, писал его с нежностью; он любовался этой обаятельной русской девушкой, и поэтому-то Наташа Ростова так и удалась ему, поэтому в работе над ним он почти не знал творческих неудач.

Поэтому нам кажется, что читатели с интересом прочитают впервые публикуемые ниже отрывки из «Войны и мира». Все они входят в подготовленный уже к печати XIII том Юбилейного собрания сочинений Л. Н. Толстого.

I

Старая графиня сидела в кабинете на своём кресле, повеселевшая, помолодевшая десятью годами со времени приезда своего сына. Она не смотрела уже на табакерку с портретом, а смотрела или на него в действительности или на дверь, в которую она ждала, что взойдёт он, её красавец, герой, лучший сын, лучший молодой человек в мире. Наташа вбежала в комнату.

— Мама, Коко едет к цыганам. Я никогда не видала цыган, только одну, страшную, у нас в деревне. Я знаю, что вы не будете пускать меня. Но я непременно, непременно поеду с ним.

— Ты знаешь, что это нельзя и это — глупости, — сказала мать. — Что ж это такое? — надув свои большие губы, сказала Наташа. — Коко уже шестой день здесь, и я ни разу с ним не катаюсь. Зачем же он приехал, коли я его совсем не вижу?

— Мой друг, ты — девочка, а он уже мужчина. Нельзя ему сидеть всё с нами.

— Вот вы всегда так, — ну отчего мне нельзя быть у него, когда он одевается? Не то, что совсем одевается, а когда на нём панталоны надеты. Я люблю это смотреть: сабля тут лежит, и табаком пахнет, и голос у него совсем бас сделается. Я так это люблю, всё это, понимаете, мамаша, понимаете, — закричала она, дёргая её за руку. Мать улыбнулась.

— Ну, прощайте, — закричала Наташа и убежала на крыльцо садиться в сани.

Гордая тем, что она, как большая, одна в саних ехала с гусаром и счастливая своею молодостью, своею дружбою к брату и к Соне и ярким февральским солнцем, она долго молчала, боясь чем-нибудь расстроить своё удовольствие, начав тот важный разговор, который она должна была иметь с ним и для которого она настояла, чтобы поехать кататься.

— Коко, — сказала она, собравшись с духом и таким торжественным голосом, что брат испуганно оглянулся и улыбнулся.

— Ты не пугайся, и не улыбайся, и не гляди на меня. Это о Соне будет, ты всё слушай, ничего не говори, а всё слушай, что я буду говорить, а то я спутаюсь. Вот, видишь ли! — начала она с отчаянной решительностью, прямо приступая к делу. — Соня видит, что ты с нею не такой, как был прежде. Соня боится, что тебе с нею неловко будет, помнишь оттого, что у вас было, как ты уезжал. Но это ничего. Она велела мне сказать тебе. Ты постой, не мешай, — и она заговорила, торопливо перебивая его и до слёз краснея. — Она велела мне сказать тебе, что ежели ты думаешь о том, что ты говорил ей перед отъездом в армию, ну знаешь, что ты хотел жениться на ней, так чтобы ты об этом не думал и ежели тебе кто нравился, чтоб ты женился, а ей от тебя ничего не нужно. Да, постой, забыла ещё главное, а что она тебя будет всё также любить. Ах, какая она смешная. Ведь правда, что это — отлично, отлично и благородно! — закричала Наташа и, отвернувшись, спрятав в руки вдруг своё изуродовавшееся слезами счастливое лицо.

— Я не беру назад своего слова, — сказал Николай.

— Нет, нет, — закричала из-под муфты Наташа... — Мы про это с нею уже говорили, мы знали, что ты это скажешь. Но это нельзя, потому что, понимаешь; ежели ты отказываешься принять её великодушный поступок, то выходит, что она как будто нарочно это сказала, выходит, что ты всё-таки насильно на ней женишься и выходит совсем не то. А ты скажи, голубчик Коко, что ты ей благодарен за её великодушие, что то были детские мечты, но что ты всё-таки её любишь, но берёшь назад своё слово. А потом, кто ж тебе мешает жениться на ней, когда захочешь ты жениться? Ах, какой ты смешной с усами. Она боится, что ты в Жюли влюбишься. Она всё о тебе мечтает.

— Вот уж о ком меньше всего думаю, — сказал Николай, показывая тем, что ежели он не думал о Жюли, то он думал о других и находился в нерешимости, что отвечать своей маленькой сестре. — Я всё-таки не могу отказаться от своего слова, — сказал он, но тон, которым он сказал эти слова, показывал, что он давно уже отказался от него. Наташа была одна из тех чутких натур, которые слушают больше интонации, чем смысл слов. Она поняла его.

— Я тебе скажу секрет, — прибавила она с свойственной ей подвижностью, мгновенно переходя от слёз к довольной улыбке. — Видишь ли, мы тысячу раз всё переговаривали уже с Соней. Ежели

ты теперь захочешь быть верным своему слову, она не будет знать, любишь ты её или нет. А это — главное.

— Главное? — дружески насмешливо повторил брат.

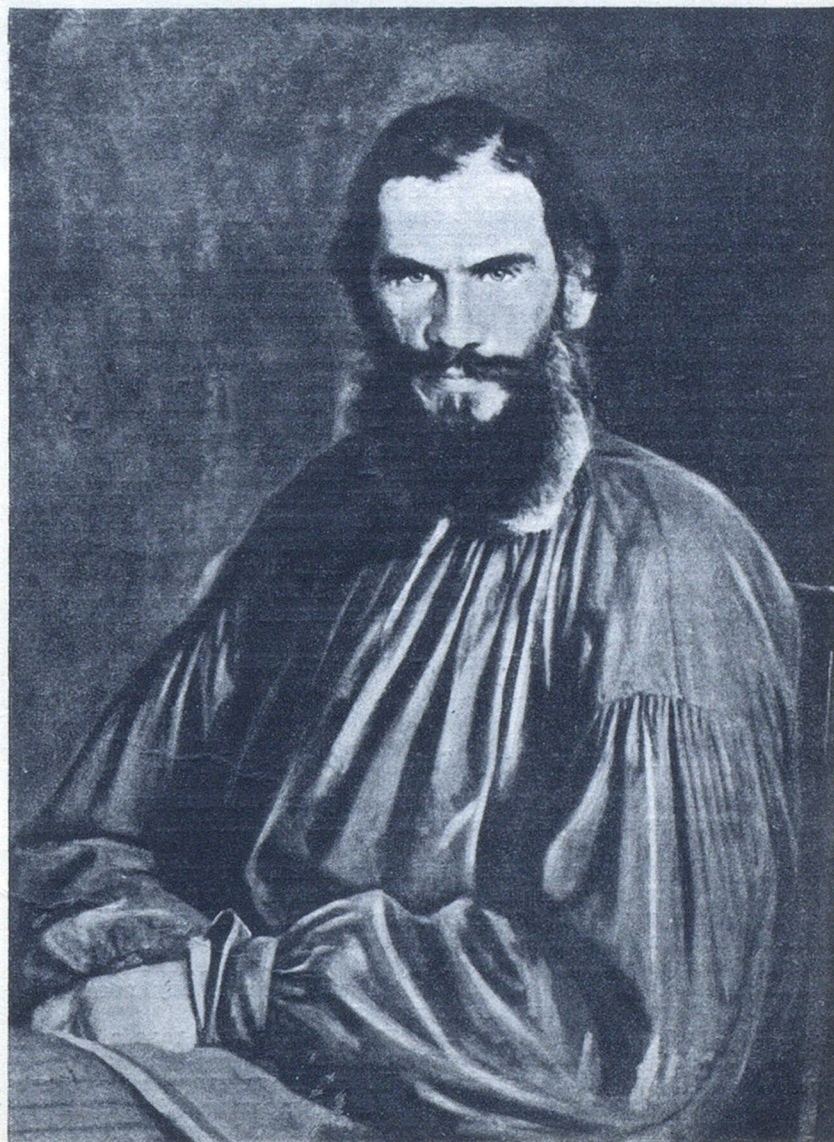
— Разумеется, главное, — значительно и серьёзно продолжала Наташа. — А ежели ты забудешь про своё обещание, то никто тебе не мешает полюбить её.

— Так стало быть она уже отказывается от меня? — с притворной обиженностью, но с радостью в душе сказал Николай.

— Да, да, — радостно повторила сестра [довольная], что найдена была та дипломатическая тонкость, которая уничтожала последнее затруднение.

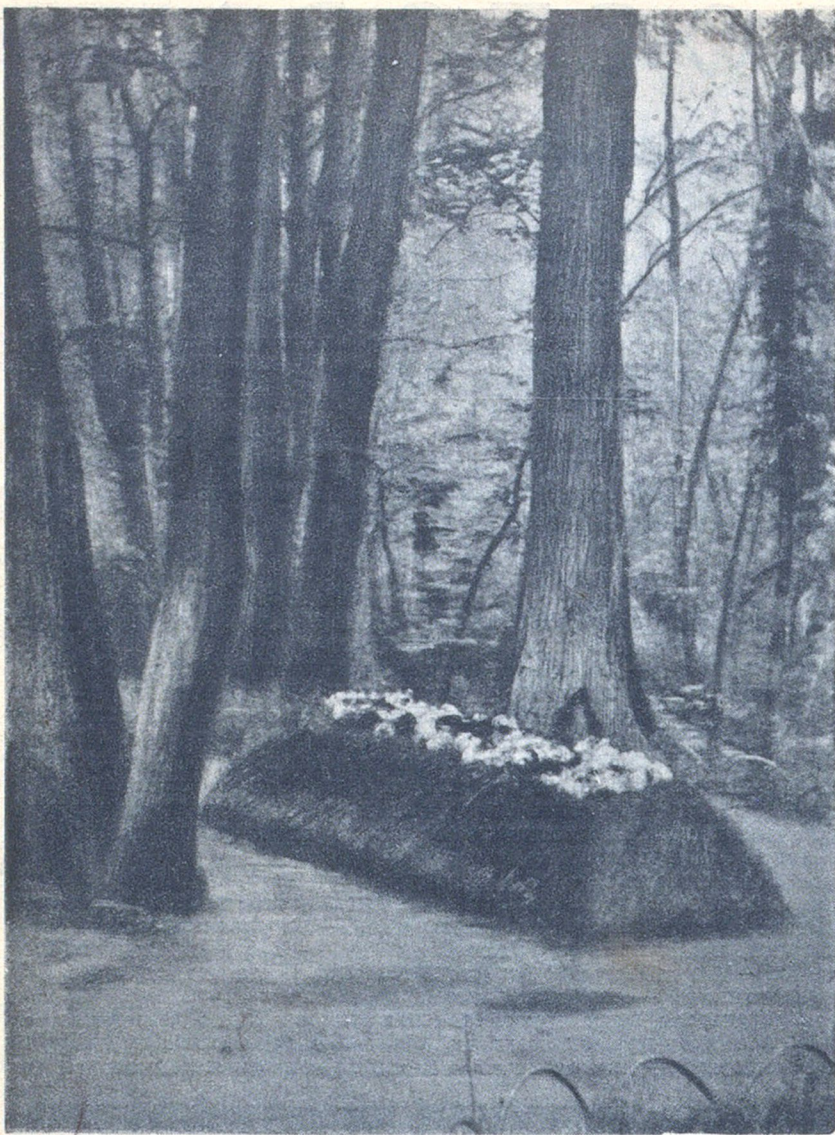
— Ну, коли так, — сказал Николай, слегка поворачиваясь в сани, — то и говорить нечего. Однако, как это ты с куклами выучилась всему этому? — прибавил он. — И детские обещания, и главное, чтоб она знала, что её любят, — сказал он, повторяя её слова. — Ай да Наташа! Ах, как я тебе рад. Ну, а что же ты Борису не изменила? — спросил Николай.

Разногласие двух друзей детства, так очевидно выразившееся в свидании во время похода их, покровительственный, поучающий тон, который принимал Борис с своим приятелем и немного, может

Л. Н. Толстой.

Портрет работы П. Крамского. 1873 год.

Могила Л. Н. Толстого в Ясной Поляне.

быть, то, что Борис, только один раз бывши в деле, получил наград больше, чем Ростов и обогнал его по службе, делали то, что Ростов, не признаваясь в том, не любил Бориса, тем с большей силой, чем больше прежде он был с ним дружен. Кроме того, ежели Наташа разойдётся с Борисом, это будет для него как бы оправданием в изменении его в отношении с Соней, которые тяготили его тем, что это были обещания и отнимали свободу. Он, улыбаясь, как бы шутя, но внимательно следил за выражением лица сестры в то время, как делал ей этот вопрос. Но Наташе до сих пор в жизни ничто ещё не казалось запутанным и трудным, особенно из того, что касалось её лично. Она, не замешкавшись, весело отвечала:

— Борис — другое дело, — сказала она. — Он — твёрдый, но всё-таки про него я скажу, что это было детское. И он может ещё влюбиться, и я... — она промолчала, — и я могу влюбиться, — сказала она смело. — Ты не думай, что оттого, что вы за границей были и у тебя сабля и крест, что вы — большие, а мы все маленькие. Мне пятнадцатый год, уж бабушка в мою пору замуж вышла.

Найдя требуемого цыгана в белом кафтане, Николай с Наташей вернулись домой и Наташа, не снимая шубы, со всего разбега бросилась в комнату к Соне и утешила её тем, что она уже всё пероговорила с братом и что теперь всё будет хорошо, что лучше его нет никого на свете и что он всё-таки женится на ней, потому что лучше её нет на свете.

— Да, коли бы он это думал, — вздыхая сказала Соня.

2

Из письма княжны Марьи Болконской к её подруге Жюли

Семейная жизнь идёт по старому, за исключением присутствия Андрея. Он, как я уже писала вам, очень изменился последнее время.

После его горя он теперь только, в нынешнем году, совершенно нравственно ожил. Он стал таким, каким я его знала ребёнком, кротким, добрым и нежным. Он понял, как мне кажется, что жизнь для него не кончена. Но вместе с этой нравственной переменой, он физически очень ослабел. Он стал худее, чем прежде, нервнее. И я очень боюсь за него и рада, что он предпринял эту поездку в Петербург. Я надеюсь, что это поправит его.

Он поехал в Петербург, где ему нужно окончить дела с тестем, и ещё потому, что он обещал Ростовым быть на свадьбе их старшей дочери. Она выходит за какого-то Берга. Но я надеюсь, что эта поездка так или иначе оживит его. Я знаю, что князь Разумовский писал Андрею, приглашая его занять какое-то важное место по статской службе. Андрей сказал «нет», но я надеюсь, что он раздумает. Ему нужна деятельность. Отец мой очень одобрил поездку Андрея. Он желает, чтобы Андрей служил. Как он ни бранит и ни

презирает нынешнее правительство, хотя он и не высказывал этого, пятилетнее бездействие Андрея и то, что многие товарищи перенесли его по службе, очень мучало моего отца. Хотя и при презиравом правительстве, но он желает, чтобы Андрей занимал важное место и был на виду у государя, а не оставался бы век отставным полковником.

Андрей же тоже в последнее время, я видела, не то, чтобы тяготился бездействием, — празден он никогда не бывал и не может быть с его огромными способностями и с его сердцем, нельзя перечесть добро, которое он здесь сделал всем, начиная от своих мужиков и до дворян и сего, — а он не то, чтобы тяготился бездействием, а он чувствует себя настолько готовым на всякое государственное, важное дело и в военной и в гражданской сфере, что ему жалко видеть, как пропадают его способности и что места, принадлежащие ему по праву, занимают другие, ничтожными людьми. Я знаю, что он огорчён этим. Итак, он уехал, хотя худой, больной и несколько кашляющий, но оживлённый и нежный. Он, не скрывая так, как прежде, считая стыдным показывать печаль, заплакал, прощаясь со мной, с отцом и маленьким Кокой.

Удивляюсь, каким образом вообще доходят слухи из деревни в Москву и особенно такие неверные, как тот, о котором вы мне пишете, слухи о мнимой женитьбе Андрея на маленькой Ростовой. Правда, что Андрей в последнее время видел общество только у них, у Ростовых, правда, что Ростовы, проезжая из деревни в Петербург, со всем семейством заезжали к нам, пробыли у нас целый день, правда, что Наташа Ростова есть одна из самых обворожительных девушек, которых я когда-либо видывала, правда, что Андрей очень ласков с ней, но ласковостью старого дяди к племяннице, правда, что он очень любит её прелестный голосок, который даже и отца моего развеселил, но не думаю, чтобы Андрей когда-нибудь думал жениться на ней, и не думаю, чтобы это могло случиться. И вот почему: во-первых — я знаю, что несмотря на то, что Андрей редко говорит о покойной жене, печаль этой потери слишком глубоко вкоренилась в его сердце, чтобы когда-нибудь дать ей преемницу и мачеху нашему маленькому Коко. Во-вторых, потому, что эта Наташа совсем не из того разряда женщин, которые могут нравиться Андрею. Она привлекательна, обворожительна, но в ней нет того, что называется *fond*¹, после того, как она обворожит вас и вы, без всякой причины улыбаясь, глядите на неё, вы невольно себя спрашиваете: «что ж в ней хорошего, за что я пленилась ей!» И не находите ответа. Она меня обворожила и всех нас так, что я только на второй день могла собраться с мыслями, чтобы обдумать её характер. У неё — два огромных недостатка: тщеславие, страсть к похвалам и кокетство, не имеющее границ и цели. Я не видела ничего подобного. Она кокетничала со всеми: с Андреем, со мной, с своим братом и, главное, с моим отцом. Она видно слышала о его характере и решила победить его, и победила. Через два часа времени она дошла до того, что позволяла себе с ним такие вольности, которые никто, я думаю, в жизни не позволял себе.

Не думаю, чтобы Андрей выбрал её своею женою, и откровенно скажу, я не желаю этого. Что касается Николая, то скажу вам откровенно, что он мне очень понравился и, признаюсь, глядя на него, я мечтала о счастье вашем с ним. Как бы я желала видеть такого милого человека мужем моего лучшего друга!

Но я заболталась, кончаю свой второй листок. Прощайте, мой милый друг, да сохранит вас Бог под своим святым и могучим покровом.

Моя милая подруга Бурьен целует вас.

3

Голос Наташи был замечен и в Петербурге. Она пела раз в обществе, и баронесса Зальберг пригласила её к себе, лелеяла и ухаживала за ней. На одном из музыкальных вечеров баронесса Зальберг была и Андрей на другой день после своего разочарования в Сперанском. Наташа пела и пела чрезвычайно хорошо. Князь Андрей стоял в толпе и не видал, кто поёт, но, услышав голос Наташи, он вспомнил что-то весеннее, радостное, иное от всего того, что он испытывал в это своё пребывание в Петербурге. Он рассеянно не отвечал на слова хозяйки, подле которой он сидел, и слушал.

— Кто это поёт? — спросил он.

— Это моя protégée, большой талант, — и баронесса опять начала говорить.

Князь Андрей встал и подошёл к клавикордам. У них стояла, судорожно перебирая рукой в перчатке по крышке клавикорд, та самая девочка в белом платке, которая с грибами бежала ему навстречу в Отрадном. Она была такая же румяная, с теми же блестящими глазами, с тем же выражением полной сосредоточенности в то, чем она была занята, и довольства собою, болезненно-завистливо действовавшего на душу князя Андрея. «Нет ей до меня дела. А я хочу ей быть нужен».

И вся весна прошлого года с своими ощущениями надежд, чего-то лучшего, чем жизнь, мгновенно воскресла в его душе. «А было же это хорошее время!» подумал он. После пения Наташу окружили, и князь Андрей заметил, что как с дворовыми девушками она была самая бойкая и весёлая, так и здесь она была самая грациозная и милая светская барышня. Вся эта светская ненатуральность была в ней, но даже и эта ненатуральность была в ней мила и естественна.

— Il faut que je vous fasse faire la connaissance de la petite Rostoff — elle est charmante malgré son papa², — сказала хозяйка князю Андрею.

Но почему-то, сам он не знал почему, князь Андрей отклонился от этой чести.

¹ Основой.

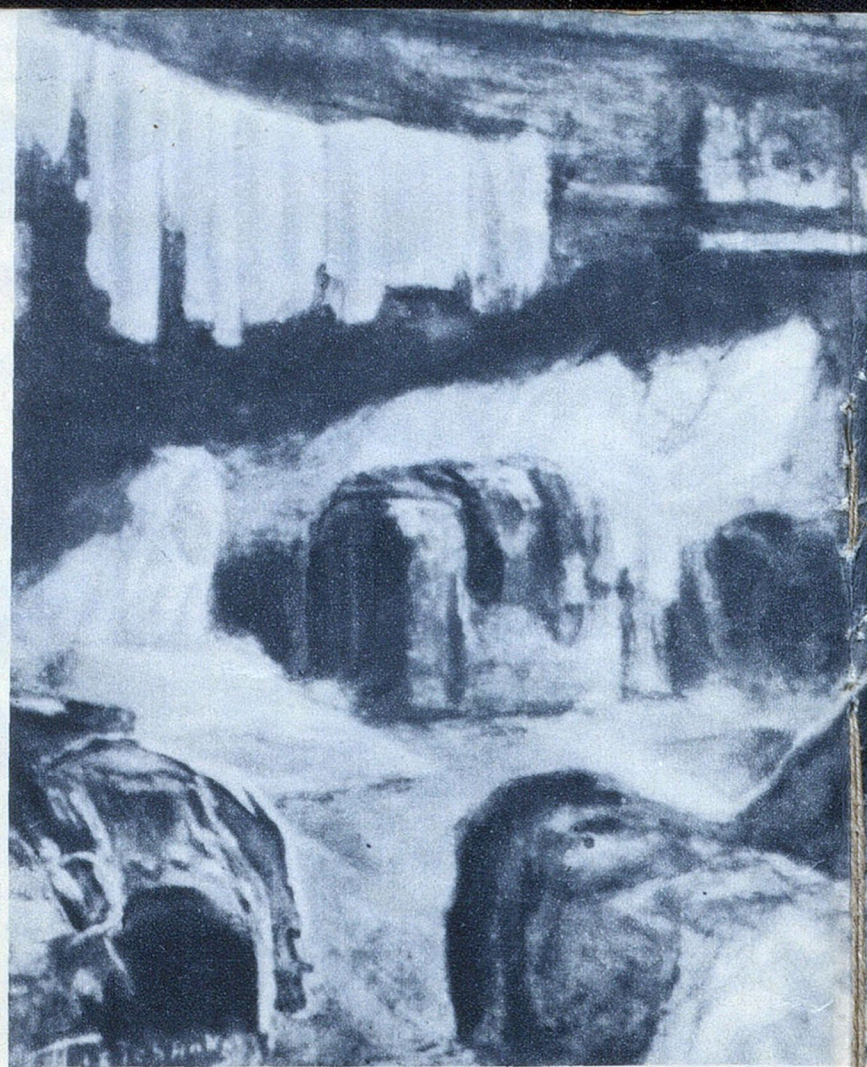
² Я должна вас познакомить с маленькой Ростовою: она прелестна, называя папа.

Л. Н. ТОЛСТОЙ. Снимок 1910 года.

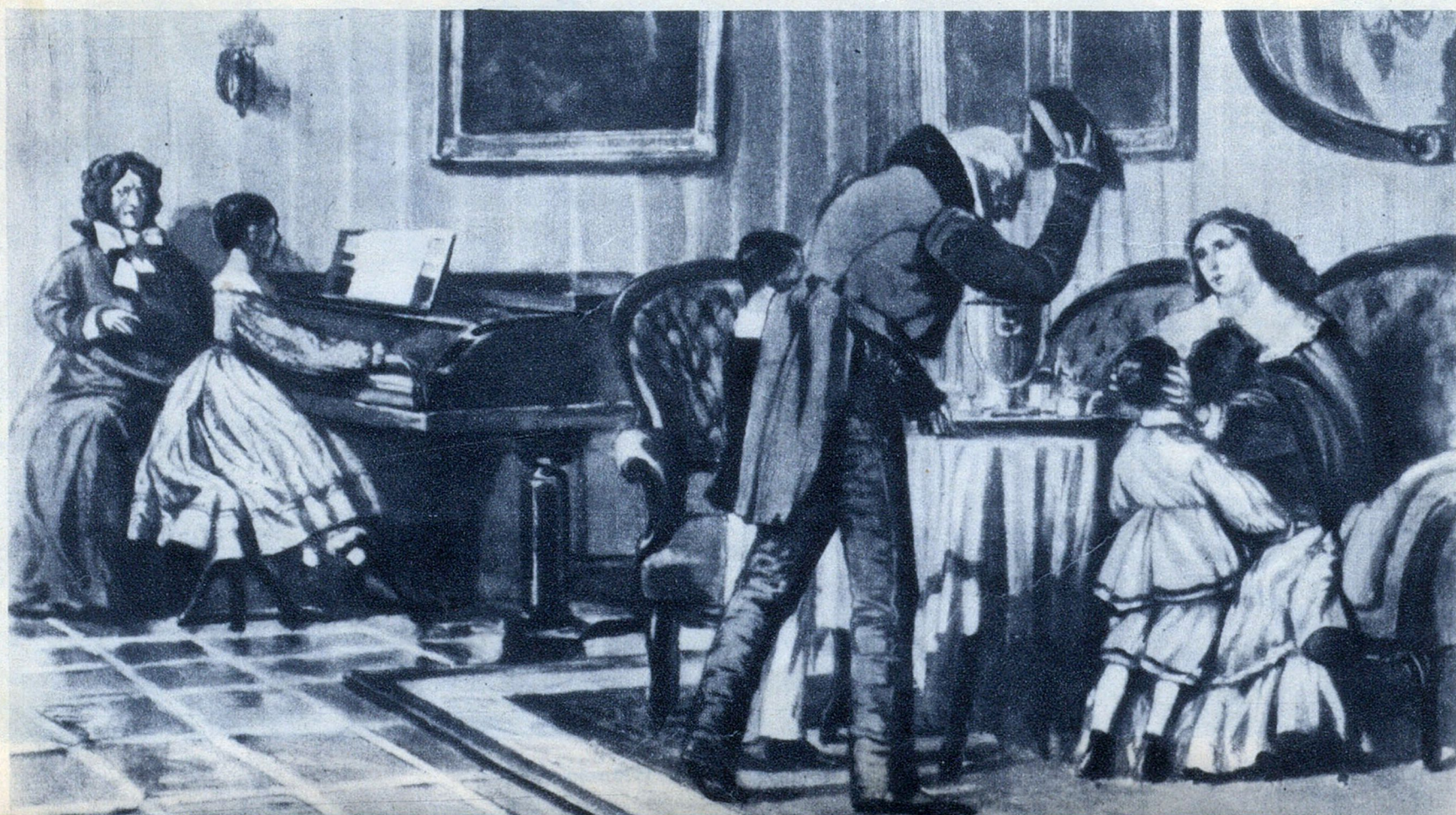
М. А. Врубель. «Анна с сыном». («Анна Каренина»).

Л. О. Пастернак. «Наташа и князь Андрей».

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ПРОИЗВЕДЕНИЯМ

Д. Н. Кардовский. «Утро»: («Детство»).

Андрей в Мытищах». («Война и мир»).

Е. Е. Лансере. «Выход Хаджи Мурата к русским».
(«Хаджи Мурат»).

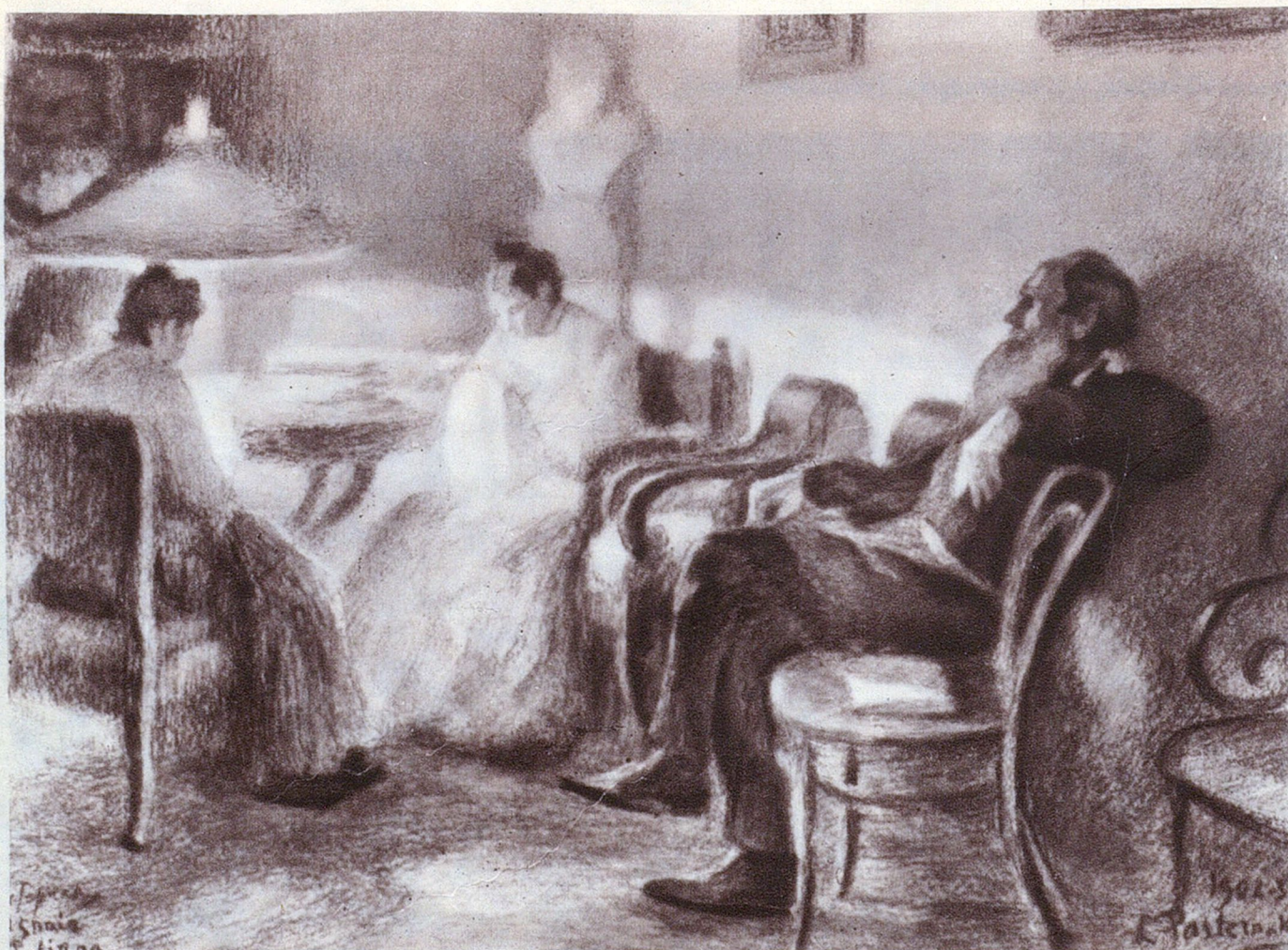
ВЕДЕНИЯМ Л. Н. ТОЛСТОГО

Л. О. Пастернак. «Завтрак у Корчагиных». («Воскресение»).

И. Е. Репин. «Л. Н. Толстой на пашне».

Л. О. Пастернак. «Л. Н. Толстой с женой и дочерью Татьяной Львовной».

А. М. ГОРЬКИЙ О ТОЛСТОМ

...Нет человека более достойного имени гения, более сложного, более противоречивого и во всём прекрасного, да, да, во всём. Прекрасного в каком-то особом смысле, широком, не уловимом словами; в нём есть нечто, всегда возбуждающее у меня желание кричать всем и каждому: смотрите, какой удивительный человек живёт на земле! Ибо он, так сказать, всеобъемлющ и прежде всего человек, — человек человечества.

Толстой глубоко национален, он с изумительной полнотой воплощает в своей душе все способности сложной русской пси-

хики: в нём есть буйное озорство Васьки Буслаева и кроткая вдумчивость Нестора летописца, в нём горит фанатизм Аввакума, он скептик, как Чаадаев, поэт не менее, чем Пушкин и умён, как Герцен. Толстой — это целый мир.

* * *

Смотришь на него и ужасно приятно себя чувствовать тоже человеком, сознавать, что человек может быть Львом Толстым. Вы понимаете? — За человека вообще приятно.

ВАЛЬС ЛЬВА ТОЛСТОГО

— Если бы вдруг сгинула вся цивилизация, — с шутилой улыбкой сказал однажды Толстой, — пожалуй, музыки мне было бы всего более жаль, — и потом серьёзно добавил: — Право, ни с одним искусством мне не было бы так жаль расстаться, как с музыкой. Может быть, я так уж сжился с нею, врос в неё...

Лев Николаевич никогда не был музыкантом в строгом смысле слова и, конечно, менее всего помышлял о музыкальном поприще. Но музыку Толстой действительно любил до страсти и всегда усердно ею занимался.

— Желая усовершенствоваться, — вспоминает близкий друг и родственница Толстого Татьяна Кузминская, — он играл на фортепиано по два, по три часа в день Шумана, Шопена, Моцарта... Я всегда слушала его с удовольствием. Он умел вложить во всё, что он делал, что-то «свое» — живое и бодрящее.

Та же мемуаристка, сама отличная певица, послужившая великому автору «Войны и мира» живым прообразом Наташи Ростовой, рассказывает, что никто так, как Лев Николаевич, не умел зажигательно играть танцы — с первыми же звуками, извлечёнными им из старинных яснополянских фортепиано, вся шумная молодёжь с неудержимым весельем пускалась в пляс. Когда же Толстой аккомпанировал пению, голос певца креп и ширился, а слова и музыка приобретали особую выразительность.

Сам Толстой признавался, что музыка является для него источником вдохновения. Нередко под свежим впечатлением чужей — будь игры или пения Лев Николаевич говорил:

— Когда слушаешь музыку, это побуждает к художественному творчеству!

И словно бы в подтверждение этой мысли, под несомненным воздействием гениального бетховенского творения, создаётся бесмертная «Крейцера соната».

Любопытен первоначальный замысел, связанный с рождением этой повести. Как-то раз в московском доме Толстых, в Хамовниках, сын Толстого Сергей Львович сыграл вместе с заезжей знаменитостью, скрипачом Лассото, «Крейцерову сонату». Лев Николаевич давно знал и любил эту вещь, но в тот вечер она ослепительно потрясла его. Среди многочисленных гостей были тогда Илья Ефимович Репин и из-

вестный артист Андреев-Бурлак. К ним-то и обратился Толстой с неожиданным предложением:

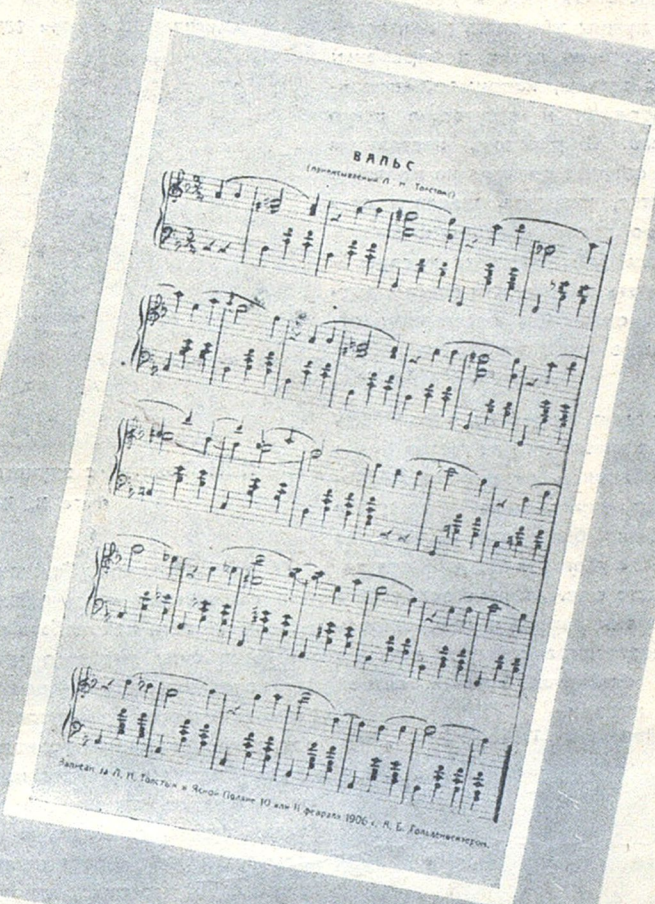
— Давайте изобразим «Крейцерову сонату» доступными нам способами искусства. Я напишу рассказ, Андреев-Бурлак прочтёт его перед публикой, а вы, — Лев Николаевич обернулся к Репину, — напишете на эту тему картину, которая будет стоять на сцене, пока Андреев-Бурлак будет читать мою повесть.

Но маленький рассказ разросся в большое полотно, а вскоре Толстой вообще отказался от синтетических способов изображения «Крейцеровой сонаты». Однако от первоначального замысла осталась след-форма монолога, доминирующая в повести.

Есть, наконец, ещё один примечательный полузабытый факт, который наглядно рисует действительное увлечение Толстого музыкой. Однажды в Ясной Поляне гостили московские музыканты: Сергей Иванович Танеев

Л. Н. Толстой за роялем с дочерью Александрой Львовной. Рисунок И. Репина. Вверху: ноты вальса.

и Александр Борисович Гольденвейзер. Оба много играли Толстому. Много и задумчиво говорились в тот зимний вечер о музыке, о музыкальном творчестве. Посреди серьёзной беседы Толстой вдруг с улыбкой вспомнил и собственный «грех» молодости — скромный маленький вальс, что когда-то он сочинил. Правда, со свойственной ему строгой щепетильностью Лев Николаевич тут же оговорился:

— Это было так давно, что я не могу с достоверностью утверждать, сочинил ли я его вполне сам или с посторонней помощью...

Но, видимо, этот плод молодого музыкального воображения запал Толстому в душу. Лев Николаевич помнил вальс от первой до последней ноты. По просьбе музыкантов он подсел к роялю и, привычно, низко склонившись над клавиатурой, сыграл свой вальс.

Е. КАНН

ВЕЛИКИЙ ПИСАТЕЛЬ О РУССКОМ НАРОДЕ

Я всегда и везде... замечал особенный такт у нашего солдата во время опасности умалчивать и обходить те вещи, которые могли бы невыгодно действовать на дух товарищей. Дух русского солдата не основан так, как храбрость южных народов, на скоро воспламеняемом и остывающем энтузиазме: его также трудно разжечь, как и заставить упасть духом. Для него не нужны эффекты, речи, воинственные крики, песни и барабаны: для него нужны, например, спокойствие, порядок и отсутствие всего натянутого. В русском, настоящем русском солдате никогда не заметите хвастовства, ухарства, желания отуманить во время опасности: напротив, скромность, простота и способность видеть в опасности совсем другое, чем опасность, составляют отличительные черты его характера.

«Рубка леса».

Для русских людей не могло быть вопроса: хорошо ли или дурно будет под управлением французов в Москве. Под управлением французов нельзя было быть: это было хуже всего... Они уезжали каждый для себя, а вместе с тем, только вследствие того, что они уехали и совершилось то величайшее событие, которое навсегда останется лучшей славой русского народа.

«Война и мир». Т. III. Ч. 3-я. Гл. IV.

Л. Н. Толстой на прогулке.
Фото В. Черткова

Велика моральная сила Русского народа. Много политических истин выйдет наружу и разовьётся в нынешние трудные для России минуты. Чувство пылкой любви к отечеству, восставшее и вылившееся из несчастий России, оставит надолго следы в ней. Те люди, которые теперь жертвуют жизнью, будут гражданами России и не забудут своей жертвы.

«Дневник» 2 ноября 1854 года.

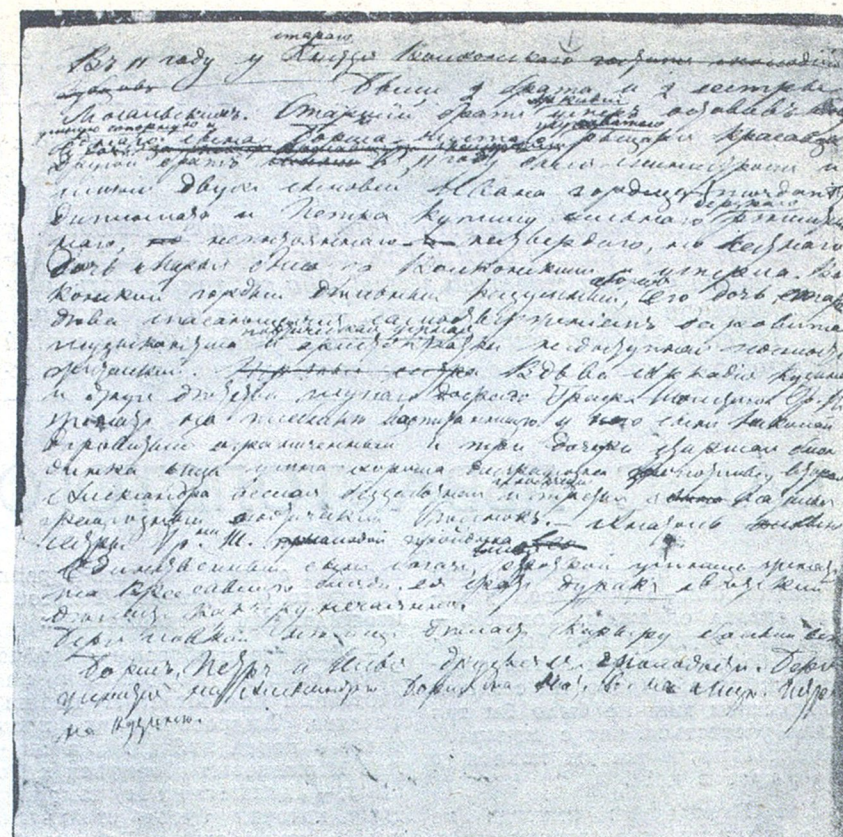
Л. Н. Толстой с внучатами.
Фото В. Черткова

Главное отрадное убеждение, которое вы вынесли — это убеждение в невозможности поколебать где бы то ни было силу русского народа, — и эту невозможность видели вы не в этом множестве траверсов, брустверов, хитросплетённых траншей, мин и орудий, одних на других, из которых вы ничего не поняли, но видели в глазах, речах, приёмах, в том, что называется духом защитников Севастополя. То, что они делают, делают они так просто, так мало напряжённо и усиленно, что вы убеждены, они ещё могут сделать во сто раз больше... они всё могут сделать. Вы понимаете, что чувство, которое заставляет работать их не есть то чувство мелочности, тщеславия, забывчивости... но какое-нибудь другое чувство, более властное, которое сделало из них людей, также спокойно живущих под ядрами, при ста случайностях смерти, вместо одной, которой подвержены все люди, и живущие в этих условиях среди непрерывного труда, бдения и грязи. Из-за креста, из-за названия, из угрозы не могут принять люди эти ужасные условия: должна быть другая, высокая побудительная причина. И эта причина есть чувство, редко проявляющееся, стыдливое в русском, но лежащее в глубине души каждого — любовь к родине.

«Севастополь в декабре месяце».
(Редакция 1856 года).

Храбрость есть способность человека подавлять чувство страха в пользу чувства более возвышенного... Только люди высокой добродетели способны к истинной храбрости.

Черновик рассказа «Набег».

Первоначальный набросок романа «Война и мир».

ЖИВОЙ ТОЛСТОЙ

(По мемуарам, дневникам и письмам)

А. Никандров.

Будущая жена Толстого Сэфия Андреевна как-то раз участвовала в любительском спектакле. Готовили «Женитьбу» Гоголя. Молодёжь репетировала с увлечением, и, конечно, все отчаянно волновались. Настал, наконец, торжественный день премьеры. По признанию самых пристрастных поклонников юных талантов, спектакль прошёл не совсем гладко. Артисты обратились за окончательным приговором к Толстому, бывшему среди зрителей.

— Как мы играли?

— Гоголя не провалишь! — ободряюще улыбаясь, отвечал Толстой.

Один из многих отзывов Толстого позднейших лет о русских писателях:

— Если бы меня спросили, кого из русских писателей я считаю наиболее значительными, я назвал бы Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Герцена, которого наши либералы забыли, Достоевского, которого они совсем не считают. Ну, а затем Грибоедова, Островского, Тютчева.

В другой раз, снова вернувшись к Пушкину, Лев Николаевич добавил:

— Удивительный его язык, который он так смело и свободно поворачивает, куда ему угодно, и всегда попадает в самую точку!

Лев Толстой вместе с молодой женой отправлялся из Москвы в Ясную Поляну. Младшая сестра Софья Андреевна, Таня Берс, должна была остаться в Москве до весны и потому очень печалилась. С заплаканными глазами

она выбежала провожать Толстых на крыльцо. Экипаж тронулся.

— Ты прилетишь к нам с ласточками! — приветливо крикнул Тане Лев Николаевич.

Той же своей любимице Толстой посвятил позднее шуточные, увы, куда менее поэтические стихи:

«Поутру была, как баба,
А к обеду цвета краба.
Отчего метаморфоза,
Что из бабы стала роза?
Дело, кажется, нечисто:
Есть участие Капниста».

В доме у Капнистов в то время часто бывала и безустали танцевала Татьяна Андреевна Берс. Впоследствии по мужу Кузминская.

«Драма на охоте» приключилась вскоре в Ясной Поляне всё с той же неугомонной Таней Берс. Отчаянная и ловкая наездница, она в пылу охотничьего азарта как-то не заметила, что подруга у седла ослабла; Таня стремительно съехала вместе с седлом набок и почти повисла на лошади.

В это время, гонимая за зайцем, мимо проскакал Лев Толстой.

— Лёвочка, помоги! — зывала к нему незадачливая наездница.

— Душенька, подожди! — отвечал на всём скаку Толстой и исчез.

Зато через несколько минут, когда Лев Николаевич вернулся к месту катастрофы, тогда уже сама Таня Берс показала свою охотничью закалку:

— Затравил? — был первый её вопрос к Толстому.

— Ушёл! — мрачно отвечал Лев Николаевич, подтагивая злополучную подругу.

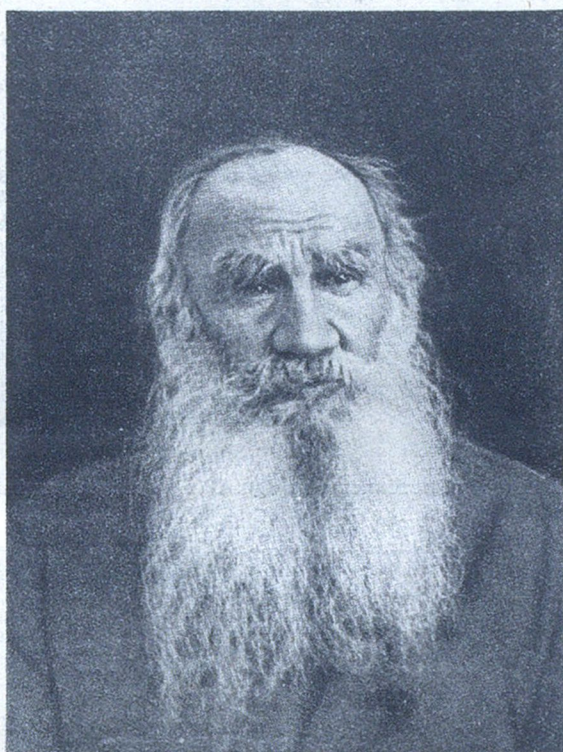
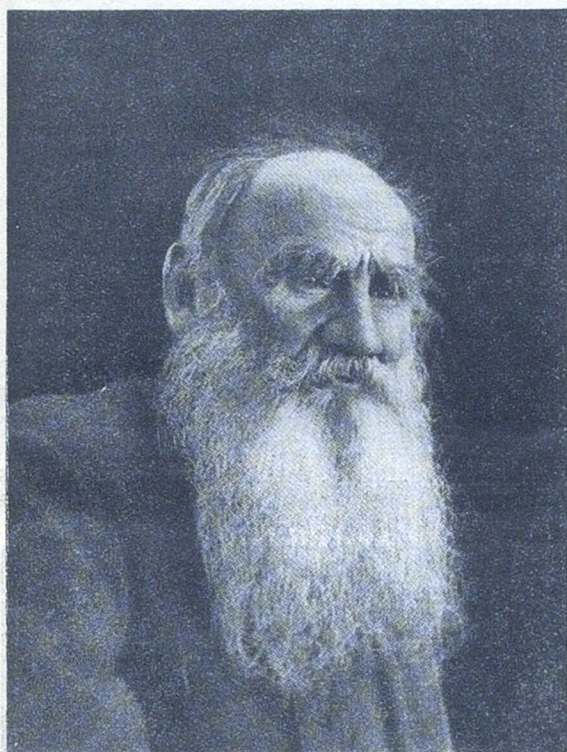
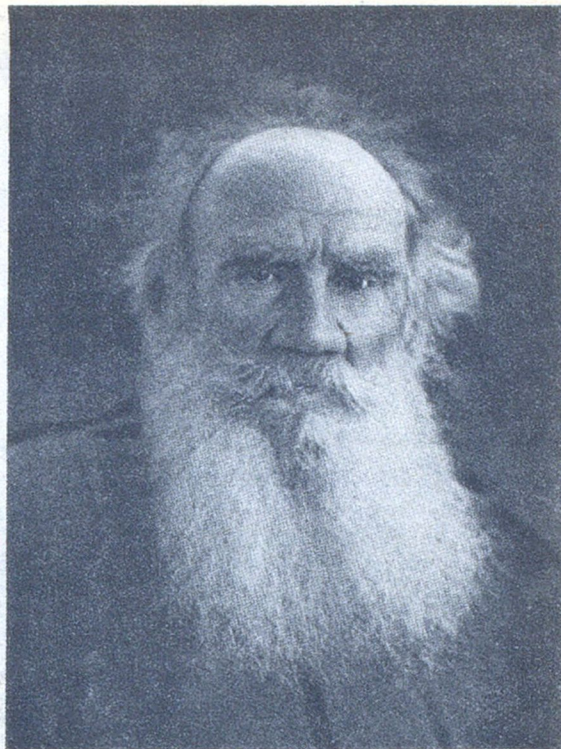
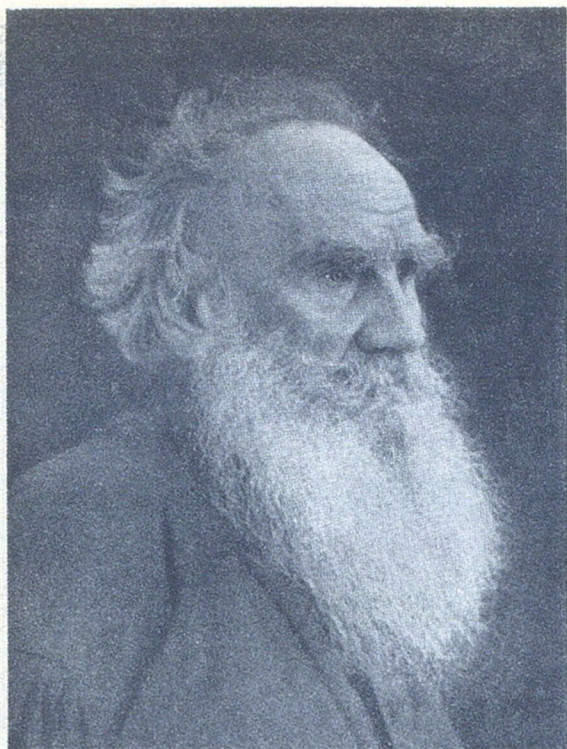

Фото В. Черткова

Известно, с какой суровой требовательностью относился к своим произведениям Толстой.

— Я не понимаю, — говорил он, — как можно писать и не переделывать всё множество раз. Я почти никогда не перечитываю своих уже напечатанных вещей. Но если мне попадётся случайно какая-нибудь страница, мне всегда кажется: это всё надо переделать, — вот как надо было сказать!

Когда Толстой работал над пьесой «Живой труп», слухи об этом попали в газету.

— Ко мне приходил, — рассказывает Толстой, — сын жены описанного мною человека, а потом и он сам. Сын от имени матери просил не опубликовывать драму, так как ей это было бы тяжело. И кроме того она боится, чтобы опять не вышла история. Я, разумеется, обещал... Их приход мне был очень интересен и полезен. Ещё раз, как и раньше неоднократно, я убедился, насколько психологические побуждения, которые сам придумываешь для объяснения поступков людей, которых описываешь, ничтожнее,

искусственное побуждений, руководивших этими людьми в действительности!

В летнее время, когда в Ясную Поляну съезжались близкие и в яснополянском зале шумела молодёжь, на площадке дома, под часами, вывешивался «почтовый ящик». Каждый мог опускать сюда свои литературные произведения. Вот одна из многих корреспонденций Льва Толстого:

«Из апрельского номера Русской Старины 1885 года. Жизнь обитателей России 1885 года можно по дошедшим до нас богатым материалам этого времени восстановить приблизительно в следующем виде. Возьмём хоть ту местность Ясной Поляны, в которой теперь находится дом собрания. Местность эта была обитаема в 1885 году 70-ю семействами благородных тружеников, поддерживавших в это время, несмотря на тяжесть условий, свет истинного просвещения — науки, общности и труда для другого и искусств возделывания полей, постройки жилищ, воспитания домашних животных — и двумя се-

мействами совершенно одичавших людей...»

Вот этим-то «диким» семействам далее и доставалось:

«Два дикие семейства жили отдельно, среди просторных тенистых садов и держали до сорока человек, занятых только тем, чтобы кормить, возить, одевать, обмывать эти два дикие семейства...»

Некий молодой человек, поведав Толстому историю своей любви, настойчиво у него спрашивал, следует ли ему жениться.

— Разумеется, нет! — решительно отвечал Толстой и в ответ на недоумение собеседника добродушно объяснял: — Да ежели бы вам следовало жениться, вы никогда не стали бы меня об этом спрашивать!

Для яснополянского домашнего спектакля Лев Толстой написал как-то пьесу, в которой молодые супруги ссорились (разумеется, не без постороннего вмешательства!) и опять мирились. После примирения следовали куплеты счастливой жены:

«Я постараюсь всё забыть, Простить, что было между нами,

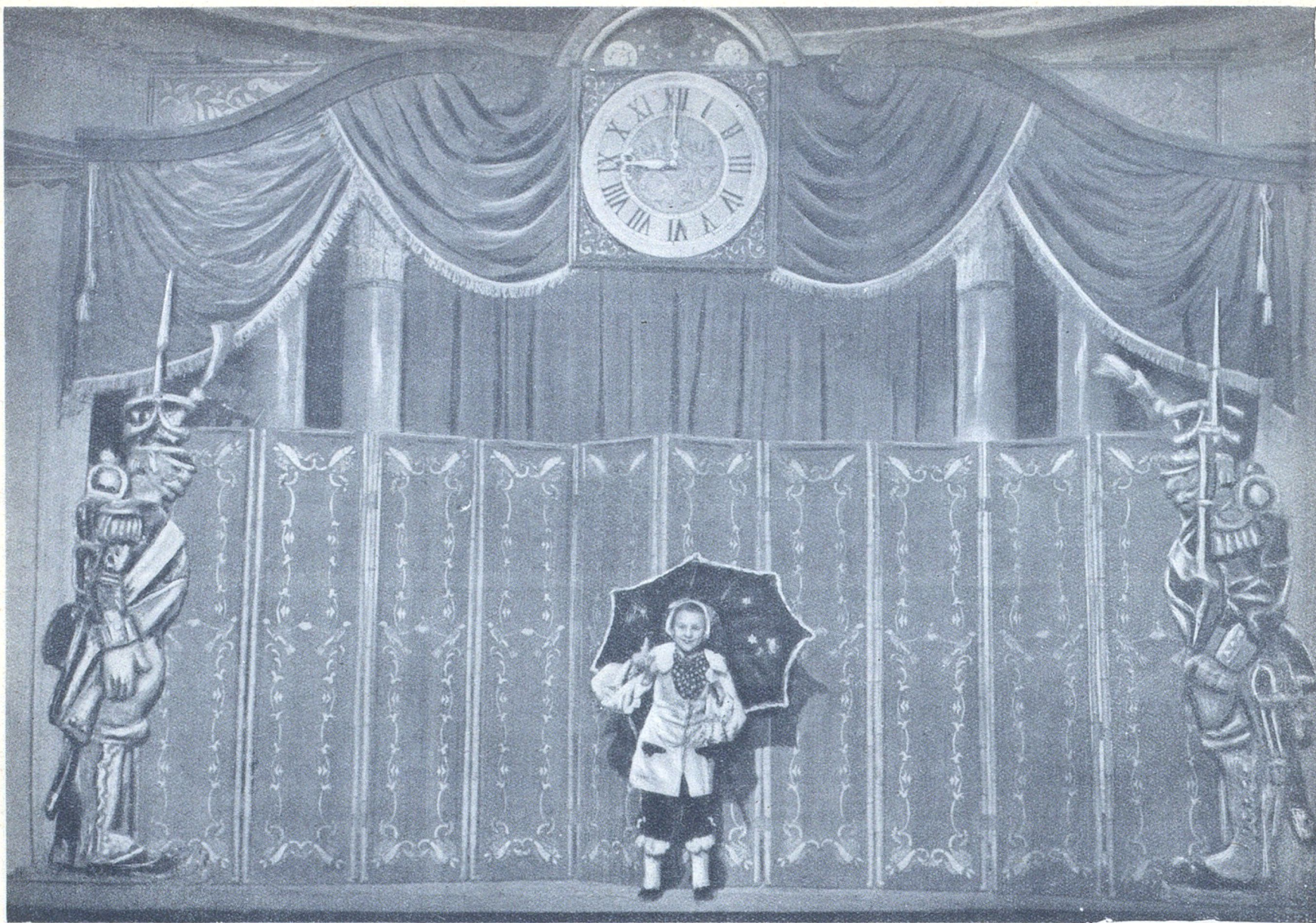
Я занята одними вами, Могу лишь вас одних любить!» На репетиции исполнительница, которая должна была петь эти куплеты, потребовала у автора объяснений:

— Я не понимаю, ведь супруги помирились, почему же и после этого жена обращается к мужу на «вы»?

— Ничего, пой так, не вышло иначе! — спокойно ответил Лев Николаевич.

И литературные критики и близкие Толстого постоянно старались угадать, с кого «списан» тот или иной образ в его гениальных произведениях. На вопрос о том, кто послужил прообразом Андрея Болконского, Толстой отвечал своей корреспондентке:

«Андрей Болконский — никто, как и всякое лицо романиста, а не писателя личностей или мемуаров. Я бы стыдился печататься, если бы весь мой труд состоял в том, чтобы списать портрет...»

Раздвинулись ширмы, и перед ними появился Оле-Лук-Ойе со своим волшебным зонтиком (Пролог).

Дети с недоумением рассматривают огромные, неуклюжие калоши («Волшебные калоши»).

ДЕТСКИЙ СПЕКТАКЛЬ

Фото Н. Погестского

Старый сказочник Андерсен — желанный гость в каждом детском театре. Приятно увидеть на сцене ожившие образы знакомых сказок, но насколько интересней самому принять участие в андерсеновском спектакле! Такая радость выпала на долю юных актёров, играющих в том театре, где самому старшему исполнителю не больше шестнадцати лет, а младшему недавно исполнилось десять!

Этот театр возник в годы войны при Институте санитарного просвещения. Его задача — популяризировать в детской аудитории важные и нужные идеи охраны человеческого здоровья. Эта идея есть и в новом андерсеновском спектакле.

Вы помните чудесную сказку о горошине, упавшей в водосточный желоб и вернувшей радость жизни больной девочке? Эта сказка дала сюжет для маленькой пьесы «Зелёное лекарство». С увлечением разыгрывают дети историю двух друзей: больной девочки Марты и её школьного друга Яльмара, который по всему свету разыскивает для неё лекарство, не зная,

Волшебные калоши перенесли девочку Камиллу прямо в средние века («Волшебные калоши»).

что оно находится тут, рядом, что лекарство это — солнце, воздух, зелень.

Во второй сказке «волшебные калоши» переносят девочку Камиллу в далёкую старину; она попадает в руки невежественных лекарей средневековья.

Третья сказка — «Принцесса и свинопас» — не имеет прямого отношения к тематике театра, но она очень удачно завершает весёлый и радостный детский спектакль.

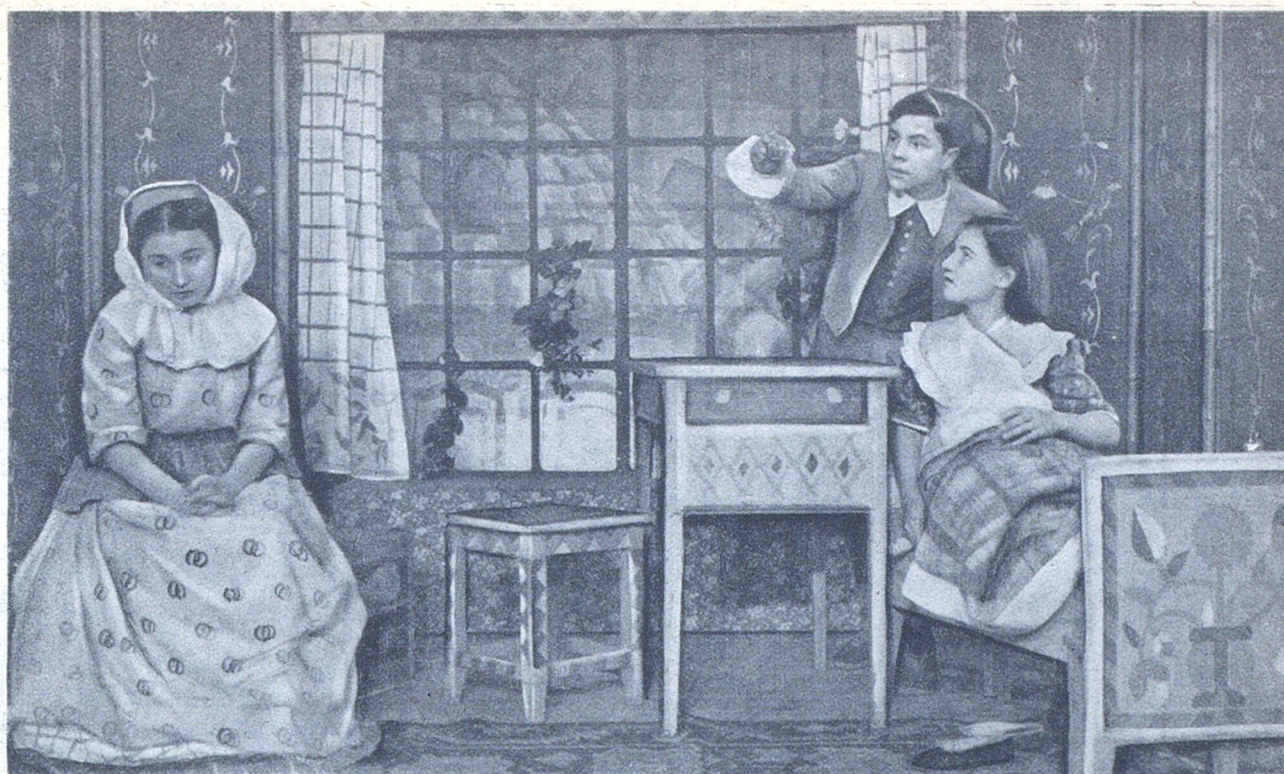
Режиссёром-постановщиком Н. В. Остаповой проявлено много вкуса в сценическом воплощении андерсеновских сказок. Дети серьёзно и охотно работают в своём театре. Два-три раза в неделю они собираются на репетиции, занимаются также ритмикой, пластикой, художественным словом. Увлечение искусством несколько не отражается на школьных занятиях. В театре существует золотое правило: играть в спектаклях могут только те, кто приносит из школы хорошие и отличные отметки. Юные актёры преданы театру всей душой. Когда одной девочке мать сказала, что придётся, видно, расстаться с театром, потому что школа её переходит на вечерние часы занятий, девочка, вздохнув, ответила:

— Хорошо, мама, но жизнь моя будет разбита!..

Руководительница Н. В. Остапова сумела создать в детском коллективе дружную творческую атмосферу. Ей удалось привлечь к жизни театра внимание крупных мастеров советского искусства. Недавно с юными актёрами провёл большую беседу Ю. А. Завальский. В работе театра принимает участие композитор Л. А. Половинкин, написавший музыку к «Сказкам Андерсена», и художник С. П. Исаков, создавший для этого сказочного спектакля очень удачное оформление.

Кем станут эти ребята, когда вырастут? Обязательно все пойдут на сцену?.. Нет, далеко не все! Многие и сейчас мечтают о самых разных профессиях. Будущим врачам, педагогам, инженерам часы, проведённые на детской сцене, всё равно очень полезны: они способствуют их общему духовному развитию. Но у некоторых чувствуется несомненное сценическое дарование. Перед такими Детский театр открывает прямую дорогу к овладению профессиональным мастерством актёра.

С. Богомазов

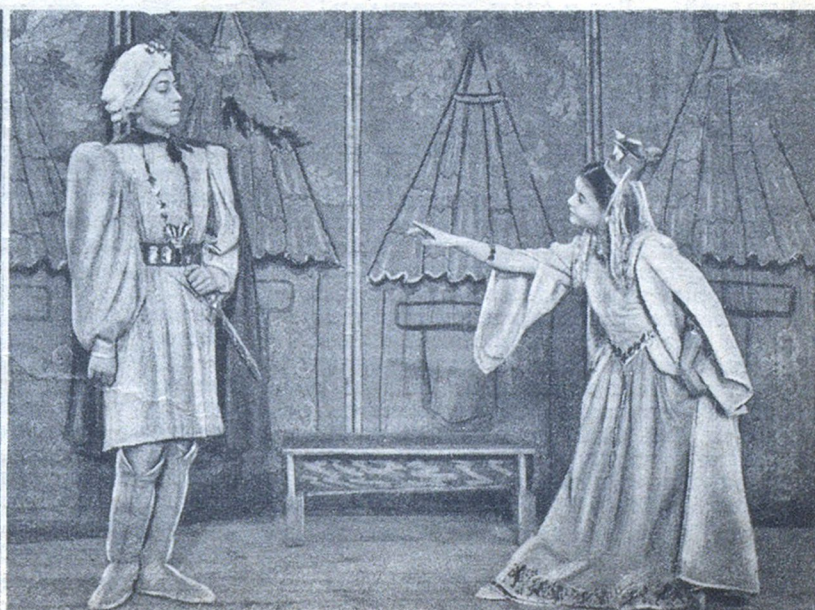
В этой раковине — жемчужина, достойная ожерелья прекраснейшей принцессы («Зелёное лекарство»).

Принцесса услышала волшебную музыку и собралась танцевать со своими придворными дамами («Принцесса и свинопас»).

Король ни в чём не может отказать своей дочке («Принцесса и свинопас»).

— Принц! Теперь я согласна быть вашей женой («Принцесса и свинопас»).

В ТАВЕРНЕ «ТРЕХ ГОЛУБЕЙ»

Алексей Новиков

Исторический рассказ

Рисунки лауреата Сталинской премии
П. Соколова-Скаля

Кузнец объяснил супруге, что этот плотник из Москвы отныне будет их постояльцем.

Геррит Кист, кузнец из Саардама, отправился на ловлю угрей до рассвета. Уже августовское солнце начинало припекать, а в утлом челне кузнеца так и не было добычи.

В довершение беды вдвали показался парусный бот, который пошёл прямо на Киста. На носу бота стоял человек, ростом едва ли не с мачту, в красной куртке и в холстинных шароварах. Незадачливый рыболов едва успел отплыть в сторону, как незнакомец внимательно к нему пригляделся.

— Здрав будь, Геррит Кист! — весело закричал он и приветливо замахал лакированной шляпой. — Вот и опять встретились!

Что произошло в эту минуту с почтенным кузнецом, он плохо помнил. Перед ним был собственной персоной московский царь Пётр. А кому же, как не Кисту, было узнать царя, у которого он так славно покузничал в Москве?! От оторопи рыболов, кажется, не досчитался снастей.

Ещё не придя в себя от радости, Кист повёл нежданного гостя к своему дому, где Пётр тотчас и решил поселиться, но под условием строжайшего инкогнито. Молодой царь впервые путешествовал по чужим землям — в составе великого московского посольства под именем Петра Михайлова.

Кузнец, сияя от гордости, так и объяснил супруге, что этот плотник из Москвы, давний Кисту знакомец, отныне будет их постояльцем. Всё было придумано очень ловко! Только супруга, выслушав сбивчивые и несуразные речи кузнеца, который сам вертелся теперь, как угорь, спокойно объявила:

— Кист, ты что-то от меня тайшь!..

Бургомистр Саардама поступил умнее. Едва Пётр, накупив инструментов, начал работать на корабельной верфи, как усерд-

ный градоправитель, ревнуя о сохранении царской тайны, расклеил на домах броские объявления «о знатных иноземцах, которые хотят быть здесь неизвестными». Теперь Петру уж вовсе некуда было укрыться от любопытных.

По счастью, московское посольство, которое обогнал в пути нетерпеливый Пётр, прибыло наконец в Амстердам. В пышной свите послов Петру Михайлову легче было затеряться, чем в маленьком Саардаме. А главное, именно в Амстердаме и находились первоклассные верфи Ост-Индской компании. Пётр взял мешок с инструментами и переселился в Амстердам.

Заложенный царём фрегат был почти готов, и мастер Ост-Индской компании готовил аттестат: «Я, Клас Поль, удостоверяю по истине, что Пётр Михайлов во время благородного здесь пребывания был прилежным и разумным плотником, а кроме того корабельную архитектуру и черчение планов изучил...»

Всё шло прекрасно, но Пётр был хмур и неспокоен.

— Пошто печалишься, государь? — допытывался любимец царя — Александр Меншиков.

— Просил я, — отвечал Пётр, — чтобы учили нас всей пропорции корабельной, а ныне зрю, что здесь на то мастерство нет совершенства, — царь помолчал и добавил: — Сказывают, в Аглицком королевстве она наука в истинном совершенстве есть и ей в кратком времени научиться можно...

— Так и поедем к аглицкому королю! — с охотой отозвался Меншиков.

Но в Лондон ещё раньше того был отправлен Петром гонец с изъяснением намерения

«посетить Аглицкую землю неznатным иностранцем, дабы зреть корабли и морское поведение».

В январе 1698 года, когда в голландскую гавань пришли за Петром королевская яхта и при ней для почётногo эскорта линейные корабли, на море разыгрался шторм. Но никакая буря не могла задержать Петра. В пути он подолгу беседовал с Меншиковым о державных делах.

— Злоязычат про твоё царское величество, будто новых земель себе ищешь!..

— Не земель, токмо воды ищу! — улыбнулся Пётр.

— И то добро! — согласился Меншиков и тотчас охнул, потому что именно на воде испытывал он великую телесную истому.

Пётр благополучно прибыл в Лондон, и вскоре о неznатном иностранце, чьё инкогнито было давно раскрыто, заговорил весь город. Но то было в Лондоне и вовсе не касалось Дептфорда!

В Дептфорде попрежнему спокойно дымились трубы. На знаменитых верфях, расположенных на берегу Темзы, без отдыха стучали молотки. Матросы окидывали опытным глазом каждый новый корабль, сходявший со стапелей.

И вдруг события разразились. Неведомо зачем старый адмирал Бенбоу, который истари арендовал единственный приличный в Дептфорде дом, поспешно переселился в невзрачную гостиницу. Потом в бывшее обиталище адмирала явились королевские мебельщики и садовники. Наконец, каменщики прорубили в садовой стене дверь, через которую теперь можно было пройти прямо на верфи. Легко представить, какое волнение царило в те дни под вывеской «Трёх

голубей! Ведь эта таверна играла в Дептфорде ничуть не меньшую роль, чем все клубы в Лондоне.

Кажется, ещё никто не слышал, чтобы царя работали на верфях — да как! С утра до ночи, как будто нет для них других занятий. Корабельные мастера, завернув вечером к «Трёх голубям», не успели выложить и половины новостей о московском царе, как сам царь широко распахнул дверь в таверну...

Ввиду особо торжественного случая гости потчевали коньяком, настоянным на перце. Не всякий просмолённый матрос переведёт дух после такой микстуры. Но гость осушил кружку до дна, не поморщась, и по таверне пронёсся гул одобрения. А ведь корабельщики и докеры не станут хвалить зря!

Прошла неделя — другая, и царь уже знал на верфях каждый фрегат, будто сам забил в его форштевень первый гвоздь и будто сам поставил на нём последний парус. В Дептфорде так и осталось невыясненным, все ли коронованные особы столь же способны к путному делу. Впрочем, никакие коронованные особы никогда ещё не заглядывали в Дептфорд.

Иногда Пётр покидал верфи. Так случилось, например, когда на рейде в Портсмуте королевский флот давал примерное сражение. В Дептфорде ревниво насгрожались:

— Может быть, царь переселился в Лондон?

Но Пётр возвращался в Дептфорд. Его словно магнитом тянуло сюда, к кораблям и корабельщикам.

Если царь подолгу не появлялся в таверне «Трёх голубей», тогда особенным вниманием пользовался Сэмьюэл, слуга адмирала Бенбоу, оставшийся при доме.

— Каковы новости, Сэм?

Сэм с достоинством прихлёбывал из кружки:

— Нас посетил сэр Фергарсон, учёный математик...

— Зачем царю математик?

— С разрешения всемилостивейшего короля, — снисходительно пояснял Сэмьюэл, — профессор Фергарсон едет в Москву!

Но профессор Фергарсон был из Лондона, и это путешествие не имело никакого значения в глазах дептфордцев. Однако вскоре и кровный сын Дептфорда, мастер шлязовых дел Джон Перри, тоже объявил, что он едет с царём шлязовать Волгу!

В Дептфорде отлично знали моря и презрительно относились к рекам. Но если есг

на свете Волга, что ж, пусть шлязует её на доброе здоровье царь Пётр!

Когда Пётр покидал Англию, проводы в Дептфорде были горячи. И уж, наверное, в чопорном Лондоне не сумели выпить так дружно, как выпили у «Трёх голубей» за здоровье и в честь царя Петра.

Потом, в разные годы, о Петре доходили многие слухи: одни видели его уже в новой русской столице, другие рассказывали, что под Петербургом стоял флот Петра на полторы тысячи пушек. Пришла весть и о том, что царь умер.

А с Дептфордом к этому времени случилось то, чего не могли предсказать и самые учёные джентльмены: Лондон придвинулся вплотную и поглотил Дептфорд. Жизнь ухлынула на новые места. Пустели старые верфи. Заросла травой улица, которую все звали в честь Петра Царской. Всё меньше посетителей собиралось за дубовыми столами у «Трёх голубей».

Тогда старый хозяин отправился в Лондон, а вернувшись, долго совещался с живописцем. И вот над таверной засияла новая вывеска, и по обеим её сторонам портреты Петра с золочёной надписью: «Царь Московии».

— Похож? — спрашивали желторотые юнцы, которые только по рассказам знали об историческом величии Дептфорда.

— Как живой! — отвечали старики.

Простодушным дептфордцам не было нужды, что эти портреты были вовсе не так хороши, как тот, что написал с Петра для Лондона сэр Кнеллер, ученик Рембрандта. Никого не смущало, что царь был изображён на портретах с пышными регалиями и в кружевном галстуке, — таким никогда не видывали его в Дептфорде. Но что из того? Он всё-таки был корабельщиком первой руки — кто посмеет против этого спорить?

И рассказы о былом снова полились рекой, и таверна снова ожила; от посетителей не было отбою.

Время уже постёрло с вывески позолоту, а краски облупились и потускнели, когда однажды забрёл в таверну русский джентльмен. Щедро расплатившись, путешественник бережно запаковал вывеску и увёз эту необыкновенную меморию в Санкт-Петербург.

И на том кончилась история? Как бы не так! На таверне тотчас появилась новая вывеска, с такими же портретами Петра и с золотыми надписями, толь-вотч как прежде. Да иначе ни на чём и не помирились бы в Дептфорде, где деды завещали и внукам и правнукам память об удивительном корабельщике из Москвы.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК В ПАРТИТУРЕ «РОГНЕДЫ»

Валентин Серов в восьмилетнем возрасте.

На одной из страниц этой оперной партитуры Серова внимательный глаз обнаружит небольшой вопросительный знак. Остановился ли в раздумье автор «Рогнеды» перед какой-нибудь сложной оркестровой задачей? Или мысли Александра Николаевича Серова устремились к тому дню, когда занавес взвѣется над петербургской сценой и вместо привычных итальянских рулад театр огласят суровые хоры древней Руси? Быть может, маленький знак вопроса на нотном черновике, подобно гамлетовскому «быть или не быть», обобщал тревоги и сомнения самого Серова: быть или не быть победе этой русской оперы?

Нет, загадочный знак вопроса, вдруг возникший на партитуре «Рогнеды», имеет иную, совсем не музыкальную историю.

Была холодная январская ночь 1865 года. Стоя, как обычно, за высоким бюро, композитор работал в своём кабинете. По соседству, в маленькой комнатке, рядом с материнской постелью недавно поместилась крошечная бельевая корзинка, обтянутая цветной материей: здесь с минуты на минуту ожидали рождения первенца. Внезапно тишину ночи пререзал громкий детский крик.

«Сын или дочь?» — промелькнуло в голове у Серова.

Оборвав на полутакте музыкальную фразу, композитор поставил в партитуре вопросительный знак и опрометью выбежал из кабинета.

Так этот вопросительный знак стал первой вехой на жизненном пути сына автора «Рогнеды» — Валентина Александровича Серова, прославившего своё имя на поприще русской живописи.

Гостя потчевали коньяком, настоянным на перце.

РУССКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ОДЕЖДА

В Музее народов СССР открыта выставка русского народного творчества. Здесь представлены различные виды народного искусства, начиная со второй половины XIX века до наших дней. Значительное место отведено показу русской национальной одежды: красочно отделанные женские сарафаны, костюмы крепостных актёров, одежда горожан, купцов, крестьян.

На снимкахверху (слева направо):
1. Одежда девицы. Уральские казаки. 2. Женская праздничная одежда. Орловская область. 3. Праздничная одежда женщин Верейского уезда, Московской губернии. Вторая половина XIX столетия. 4. Женская праздничная одежда. Рязанская область.

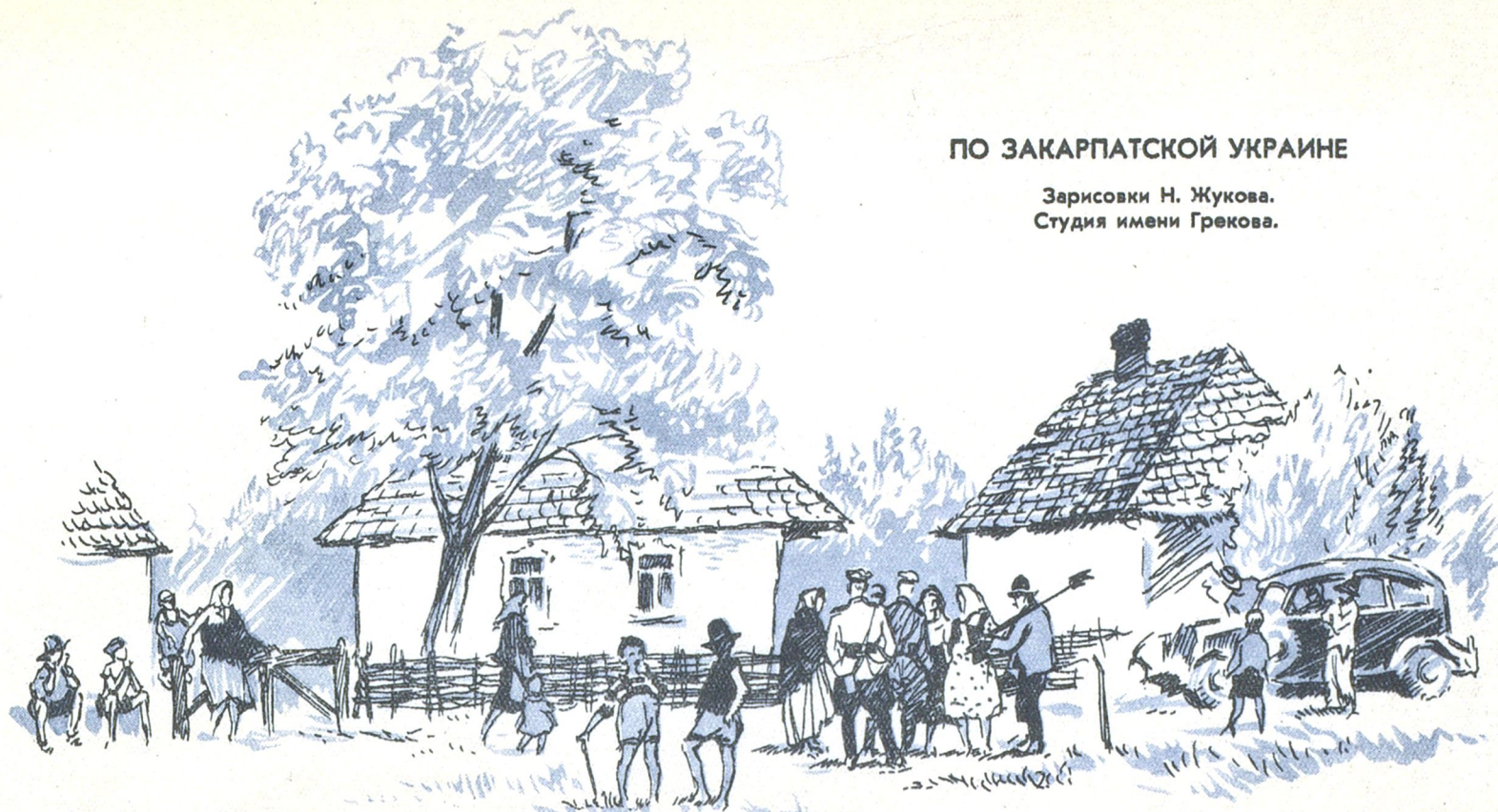
На снимкахвнизу (слева направо):
1. Женский северо-великорусский костюм городских слоёв середины XIX века. 2. Праздничная женская одежда Тамбовской области.

Фото С. Шингарёва

ПО ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЕ

Зарисовки Н. Жукова.
Студия имени Грекова.

Жители Закарпатской Украины спешат узнать от приезжающих бойцов и офицеров Красной Армии правду о Советском Союзе.

Новая песня пришла в Закарпатскую Украину — песня свободы и счастья.

Жители небольшого местечка с интересом наблюдают за игрой наших армейских волейболистов.

Н. Жуков.
45.

ПО ЗАКАРПАТСКОЙ УКРАИНЕ

Зарисовки Н. Жукова.
Студия имени Грекова.

Местечко близ Ужгорода.

Н. Жуков.
Ужгород.

Гостеприимно встречали жители Закарпатской Украины советских бойцов и офицеров.

«ПЛАМЯ МЩЕНИЯ»

Фото Х. Тельпт

НОВАЯ ЭСТОНСКАЯ ОПЕРА

Недавно в государственном театре «Эстония» в Таллине состоялась премьера новой эстонской оперы — «Пламя мщения» (музыка Э. Каппа, текст П. Руммо).

Опера чрезвычайно мелодична, построена на песенном фольклоре и насыщена драматическими эпизодами. Её сюжетом служат события давнего прошлого эстонского народа — восстание эстонцев в Юрьев день 1343 года против немецких псов-рыцарей, события, вызывающие в памяти мрачные дни недавней немецкой оккупации.

После мелодичной увертюры занавес поднимается над северным ландшафтом — лесная поляна, белые берёзки, качели. Деревенский праздник. Молодёжь танцует. Героиня оперы Сайма, дочь старейшины Мехиса, ждёт возвращения своего возлюбленного Вамбо, который отправлен послом от эстонцев в Псков, Новгород, чтобы заручиться их помощью в подготавливаемом восстании против ливонских рыцарей.

Сцена из 1-го действия оперы «Пламя мщения». Феодал и его слуги разгоняют народ.

Артистка Х. Марипуу в роли Сирье.

С охоты возвращается немецкий рыцарь-феодал с вассалами и слугами. Они кнутами разгоняют народ с праздника. В музыку врываются мрачные ноты, предвещающие недоброе.

В этой картине прекрасно звучит хор девушек. Очень хороши задорные пляски деревенской молодёжи. На фоне белоствольных берёзок девушки в своих длинных белых платьях сами кажутся берёзками.

Вамбо возвращается с известием, что Псков и Новгород обещали свою помощь. Восстание должно начаться в весеннюю ночь, когда на вершине горы запылает сигнальный огонь.

Второе действие. Справляется свадьба сына Мехиса Нээмэ с молодой Сирье. Очень красочно здесь переданы народные свадебные обряды. Молодые проходят под мечами, которые держат над ними юноши; мать снимает с головы невесты венец и надевает на её голову повязку; затем она снимает с себя фартук — символ хозяйки — и пе-

редаёт его дочери. Огонь с родительского очага переносится в дом молодых...

Но вдруг врывается свора рыцарских слуг, чтобы увести невесту в замок феодала-немца. Гости берутся за оружие, но сила на стороне немцев. Они хватают Сирье и исчезают. Вамбо, Нээмэ и другие бросаются за ними в погоню. Вскоре они возвращаются с трупом Сирье: она утопилась, чтобы избежать позора.

Наконец, третье действие. Собираются народные мстители, чтобы в условленный час броситься на псов-рыцарей и освободиться от позорного рабства. Сайма принимает решение отправиться в замок и убить стражу, чтобы помочь эстонцам проникнуть туда.

В финальной картине пир рыцарей в зале замка. Замысел Саймы не удался — её поймали и бросили в подземелье. Но вот гремят удары в ворота замка. Рыцари готовятся к обороне.

Заслуженная артистка Эстонской ССР Э. Маазик в роли Саймы.

Сцена из 3-го действия. Смертельно раненый Мехис призывает народ довести восстание до победного конца.

После короткой схватки замок в руках восставших. Смертельно раненый Мехис закликает эстонцев всегда поддерживать пылающее пламя мщения и довести борьбу до конца.

В опере несколько прекрасных арий. Это глубоко лирическая ария Саймы в 1-й картине, а также насыщенные драматизмом её арии в 4-й и 5-й картинах, когда Сайма идёт на героический подвиг во имя своего народа. Глубоко волнует скорбная ария Нээмэ над трупом возлюбленной.

Но наиболее удачны в опере хор и музыка массовых сцен.

Народные танцы полны молодого задора и чисто народного юмора. Несмотря на небольшие размеры сцены временного помещения театра, постановщики достигли выдающегося успеха в инсценировке массовых сцен, прекрасно передающих фольклор эстонского народа.

Главные роли в опере с большим успехом исполняют заслуженная артистка ЭССР Э. Маазик (Сайма), Т. Кузин (Вамбо), М. Тарас (Нээмэ), Х. Марипуу (Сирье), Б. Ханзен (Мехис).

Опера «Пламя мщения» — большое достижение современного эстонского музыкального искусства.

«ВЕЛИКИЙ РУССКИЙ ЯЗЫК»

Кто не помнит замечательных слов Тургенева: «О великий, могучий, правдивый и свободный русский язык... нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу».

Ломоносов писал о русском языке:

«Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с богом, французским с друзьями, немецким с неприятелями, итальянским с женским полом говорить прилично. Но есть ли бы он российскому языку был искусен, то конечно к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно. Ибо нашёл бы в нём великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того богатую и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков...»

Русскому языку посвящена интересная книжка В. Виноградова «Великий русский язык» (Гослитиздат. 1945).

Автор очень сжато и в то же время чрезвычайно содержательно осветил ряд вопросов, связанных с историей, ролью и значением русского языка.

В. Виноградов говорит об особых условиях развития русского языка по сравнению с многими западноевропейскими языками. Древнеславянский язык, предок нынешнего русского, был «органом образованности, духовной культуры всего восточного и южного славянства, подобно латинскому языку в странах западной Европы». Когда в XVII—XVIII веках возник русский литературный язык, то к нему, с «его стремительным и пышным развитием обращаются мысли и надежды всех передовых, общественных и литературных деятелей славянского мира».

Этим не ограничивается мировое значение русского языка. На ряде ярких примеров автор показывает, как гибкий, обогащавшийся в процессе своего развития новыми словами из разных языков, естественно влиявший на него, русский язык в свою очередь всегда влиял на словарь иностранных языков.

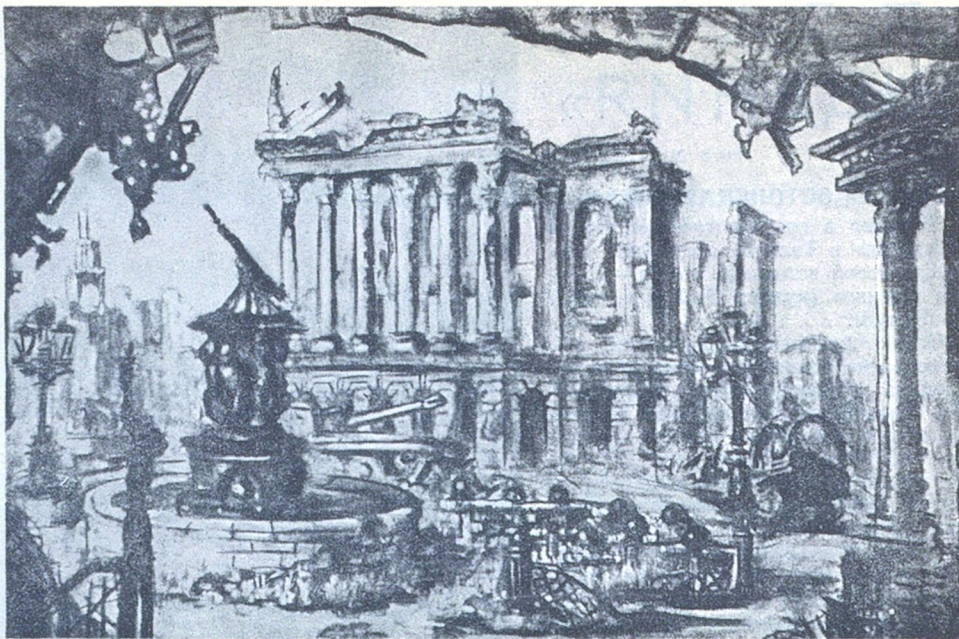
В. Виноградов в своей книге приводит множество интересных высказываний о русском языке великих мыслителей, писателей, учёных, государственных деятелей, говоривших о его богатстве и разнообразии, о его глубокой связи с народом, о его мировом художественном и культурно-политическом значении.

Книга В. Виноградова, написанная живым, увлекательным языком, будет читаться с большим интересом.

А. ДЕИЧ

Народный артист республики
К. Зубов.

Эскиз оформления 2-го акта спектакля «Сотворение мира». Художник — лауреат Сталинской премии П. Соколов-Скаля.

Фото С. Шингарёва.

«СОТВОРЕНИЕ МИРА» В МАЛОМ ТЕАТРЕ

Малый театр показал премьеру пьесы Н. Погодина «Сотворение мира».

Пьеса Погодина увлекает нас актуальностью темы: создание новой, мирной жизни, сотворение послевоенного мира.

Это пьеса о советских патриотах, подлинных гражданах нашей родины. Таков прежде всего её герой — инженер Глаголин, инвалид Отечественной войны. Приговорённый врачами к бездеятельности, он становится организатором и руководителем работ по восстановлению своего родного города. (Роль Глаголина исполняют народный артист К. Зубов и заслуженный артист Н. Соловьёв.)

Для создания прекрасной мирной жизни мало отстроить города: надо ещё перестроить «военную психологию» на мирную, созидательную; надо уничтожить травмы, нанесённые войной. В образах инженера Глаголина, секретаря горкома Старостина (артист Жуков), комсомольца Колоколова (артист Телегин), командира партизанского отряда Гололоба (народный артист Жаров и заслуженный артист Рыжов), партизанки Симочки (артистки Еремеева и Бо-

гатыренко) и других находит своё разрешение эта сложная психологическая проблема.

Спектакль наш реалистический, в духе традиции Малого театра. Мы стремимся, чтобы каждый образ, не теряя своих индивидуальных характерных черт, был типичным, обобщающим.

Работа над «Сотворением мира» — большая радость для всех участников спектакля. Здесь есть замечательные роли, которые могут действительно взволновать актёра, увлечь его полнотой материала, пластичностью и глубиной. Нас радует мягкий юмор пьесы, сильнее подчёркивающий драматизм отдельных ситуаций. Это разнообразие настроений мы хотим обязательно передать в спектакле.

Самое большое наше желание — это чтобы зритель не остался сторонним наблюдателем, чтобы его увлекло и взволновало «Сотворение мира».

К. ЗУБОВ,

народный артист республики

СОЗДАТЕЛЬ МАРШЕЙ

Марши С. А. Чернецкого передавались по радио после сводок Совинформбюро, важных сообщений; они сопровождали московские салюты; с ними шагала Красная Армия от Днепра и Волги до Берлина. Имя их создателя — заслуженного деятеля искусств генерал-майора С. А. Чернецкого — популярно в стране.

С детства чувствуя призвание к военной музыке, С. А. Чернецкий посвятил ей свою жизнь. В 1900 году он работает военным капельмейстером. В 1910 году, будучи дирижёром духового оркестра 60-го Замостского пехотного полка, он поступает для усовершенствования музыкального образования в Петербургскую консерваторию, которую и оканчивает в 1917 году по классу композиции и дирижирования. Увлечённый идеей восстановления военно-оркестрового дела, С. А. Чернецкий в 1918 году добровольно вступает в Красную Армию. С большой страстью он берётся за подготовку музыкальных кадров: организует духовые оркестры, создаёт целую сеть школ и курсов военных музыкантов и дирижёров, занимается педагогикой. Он хлопочет и добивается открытия специального военного факультета при Московской консерватории, ныне преобразованного в высшее училище военных капельмейстеров. Им создан образцово-показательный оркестр Наркомата обороны СССР, который в этом году празднует своё десятилетие.

В концертах этого оркестра были исполнены Четвёртая симфония, скрипичный и фортепианный концерты Чайковского, Девятнадцатая симфония Мясковского, первая часть Седьмой

Генерал-майор С. А. Чернецкий
на параде.

симфонии Шостаковича, увертюра к опере «Шах-Сенем» и увертюра к юбилею Красной Армии Глиера. Впервые в практике духовых оркестров в этих концертах принимают участие виднейшие представители вокального и инструментального искусства: Ойстрах, Оборин, Флиер, Гилельс, Барсова, Козловский, Михайлов и др.

Будучи симфонистом по образованию, С. А. Чернецкий в 1928 году организует военный симфонический оркестр при ЦДКА, который за 13 лет существования дал более тысячи концертов в Москве и крупных городах Союза.

Наряду с организаторской работой Семён Александрович Чернецкий не оставляет и композиторской деятельности.

За 4 года войны С. А. Чернецкий написал более 40 маршей и 30 патристических песен. Кто не знает мелодий маршей «Миномётчиков», «Рокоссовский», «Танкистов! Торжественным гимном звучит его фанфарный марш — «Слава родине».

Его марши необычайно популярны, мелодика их, связанная с русским городским мелосом прошлого века (Варламов, Гурилёв), сообщает им русский национальный колорит.

Несмотря на свои 65 лет С. А. Чернецкий с неослабевающим энтузиазмом продолжает трудиться и творить на поприще военно-музыкального искусства.

Е. ПЯТКОВА

Глубокое, прозрачное, голубое украинское небо. И степь, напоённая солнцем, дышит ароматами, звучит украинской песней, вольной, широкой, задорной, многоголосой. Но почему же мы думаем о песне, глядя на красочное полотно?

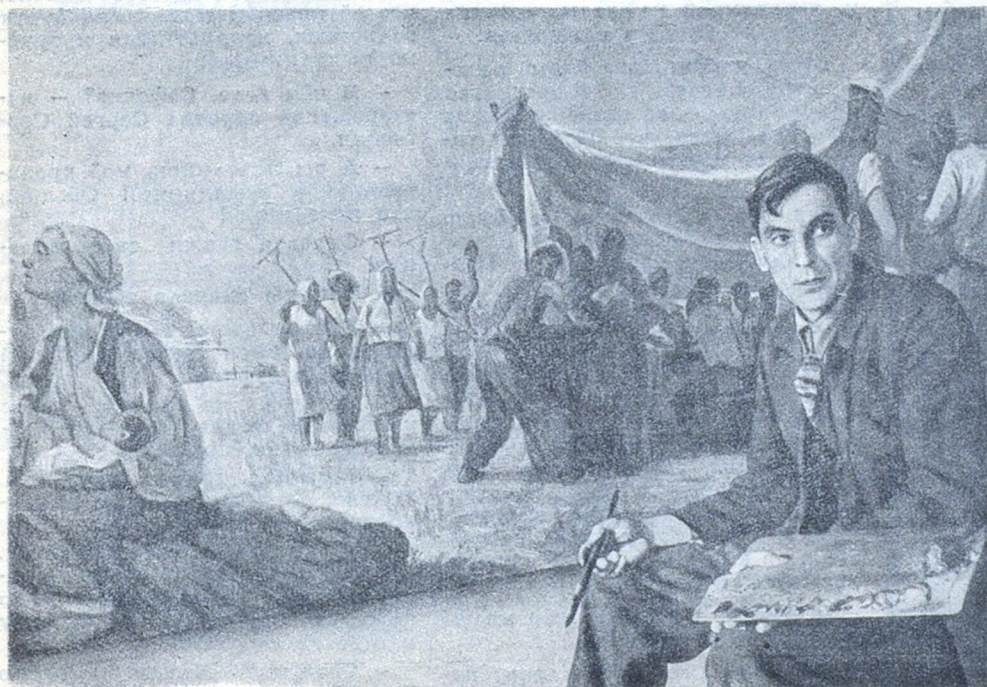
Приглядимся внимательнее. Это, конечно, косовица. Наверно, время обеденного перерыва. Справа — пожилые, степенные колхозники, закурявая, беседуют о своих делах. Серьёзные люди, которые ещё недавно знали цену меткой пуле, намертво валившей немецкого оккупанта. Под навесом — молодёжь, она уже уселась за стол. А там вон, вдаль, идут ещё колхозники и колхозницы. И снова степь, и снова яркое украинское небо... И кажется, что всё поёт. Поют возвращающиеся от снов и копён колхозники, поёт степь, поёт небо. Это песня отвоёванного в боях с захватчиками мирного труда, радость созидания, к которому вернулась Советская Украина.

Таково содержание и настроение нового большого панно, которое заканчивает для Украинского музея партизан-художник Д. Н. Шавыкин.

Много монументальных работ вышло из-

В Алма-Ате. Этюд.

Д. Н. Шавыкин у своего панно «В колхозном стане».

Фото Я. Рюмкина

Портрет украинского писателя К. Гордиенко. Работа Д. Н. Шавыкина.

под кисти этого признанного мастера монументальной живописи на Украине. Он написал большое панно для Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, панно для Шевченковского музея в Канёве, красочное панно для Музея революции имени Ленина в Киеве на тему «Партия ведёт». Одна из последних работ художника посвящена победе.

Вдали — сердце страны, Кремль. На его фоне — любимый вождь и учитель, великий Сталин, окружённый соратниками, и народ, советские люди, которых вдохновил на борьбу и привёл к победе гениальный полководец.

Д. Н. Шавыкин, много и плодотворно работавший и до войны, особенно много сделал за год, истекший после возвращения его из эвакуации в родной Харьков. Портреты, натюрморты, пейзажи, среди которых особенно примечательна серия «Воспоминания о Киеве», два больших панно с вариантами... Он пишет портреты своих товарищей по искусству — художников и писателей. Художник стремится найти в каждом оригинале дух, характер, связывающие его с современностью.

Художник полон творческих устремлений. В его плане серия работ на темы героики советских людей в Отечественной войне, полотна о советских моряках. А главное — продолжение основной темы — радостная, освобождённая Советская Украина, поющая славу великому вождю.

Вскоре после освобождения Минска народный поэт Белоруссии Якуб Колас вернулся в родной город.

Неподалёку от густого леса, со стороны Московского шоссе, открывающего въезд в Минск, неподалёку от свежесозданных рош Ботанического сада Академии наук БССР, есть маленький соснячок, напоминающий редкую опушку леса. Междеревьев одноэтажный дом, со стеклянной верандой и частыми окнами. Здесь сразу же после возвращения в Минск поселился поэт.

Фашисты уничтожили богатейшую коллекцию рукописей поэта, в том числе и рукописи, не обнародованные доселе; предали огню сотни библиотек, где хранились многочисленные труды, написанные нашим народным песняром за долгие плодотворные творческие годы.

Сейчас Государственное издательство Белоруссии выпускает первым послевоенным изданием четыре основных книги Якуба Коласа: поэмы «Новая земля» и «Сымон Музыка», сборник стихов, новую поэму «Отплата» и партизанскую повесть «Дрыгва».

Якуб Колас — автор крупнейших эпических поэм в белорусской литературе. Его «Новая земля» — летопись дореволюционной жизни белорусского народа. Тут и незабываемые картины природы и ярко, с большим мастерством описанные характеры.

Поэт рассказывает нам:

— Перед самой войной я уже держал в руках сигнальный экземпляр своей поэмы «Новая земля», которую я писал одиннадцать долгих лет, с 1911 по 1922 год, и закончил тут же, в Минске. Я держал сигнальный экземпляр полного повторного издания, но ему не суждено было увидеть свет: уничтожили немцы. В сборнике «Новая земля» идёт полностью, все тридцать глав, полностью же публикуется «Сымон Музыкант» — четыре части. А всего объём этого сборника превысит 30 печатных листов.

Избранный том произведений Якуба Коласа в 20 печатных листов выходит в Москве на русском языке. Там же в Детиздате публикуется сборник стихов для детей. Для детей поэт готовит объёмистую книгу народных белорусских сказок. Поэт использует сказки, в своё время собранные виднейшими учёными-фольклористами Романовым, Шейном, Никифоровским, а также современными белорусскими собирателями фольклора. Сказки эти — чудеснейшие памятники богатого фантазией творчества белорусского народа.

...Принесли почту. В ней письмо из Болгарии, из Софии, перевод двух стихотворений Якуба Коласа на бол-

гарский язык: «Родной край» и «Село». Переводил Людмил Стоянов. Напечатаны стихи в популярном болгарском журнале «Славянин». Среди писем одно из Барановичской области, из деревни Погорельцы. Пишет Сергей Бабок. Он прислал стихи и просит у прославленного мастера совета. Адресат другого письма живёт в Якутске.

Якуб Колас.

«И в далёком Якутске мысленно я всегда с Беларусией, со своим родным народом, с его культурой», — пишет он в конце своего послания.

Якуб Колас часто совершает поездки по Белоруссии. Он почти каждого знает здесь, знает, кто партизанит, кто боролся с немцами в рядах Красной Армии. Сейчас поэт озабочен постройкой новой средней школы у себя на родине, в Миколаевщине.

К Якубу Коласу часто обращаются как к депутату Верховного Совета БССР. Верный слуга народа, он поддерживает живую, повседневною связь с избирателями, работает в Академии наук БССР и не покладая рук вот уже сорок с лишним лет трудится для блага родной белорусской литературы, для блага родной культуры, родного народа.

Еф. Садовский

НОВЫЕ КНИГИ

А. И. Герцен. — Указатель основной литературы (составил Б. Я. Бухштаб «Ленинградское газетно-журнальное и книжное издательство». Л. 1945) Полезный библиографический справочник о сочинениях Герцена и о литературе о нём. Сборник открывается известной статьёй В. И. Ленина «Памяти Герцена». Уместно напомнить слова Ленина о Герцене: «...Герцен первый поднял великое знамя борьбы путём обращения к массам с вольным русским словом». В сборнике кроме того приводятся даты жизни и творчества Герцена.

ТО ФЛЕЙТА СЛЫШИТСЯ, ТО БУДТО ФОРТЕПИАНО...

Как начинается «Горе от ума»?

Ответ на этот вопрос вряд ли кого-нибудь затруднит.

— Бессмертная комедия, — скажут нам, — начинается, конечно, монологом Лизы: «Свегае?.. Ах, как скоро ночь минула...»

А между тем спектакль открывается вовсе не этим драматическим монологом, а музыкальным дуэтом, идущим за сценой. Сам Грибоедов говорит об этом в начальной ремарке: «Гостинная... Справа дверь в спальню Софьи, откуда слышно фортепиано с флейтою, которые потом умолкают».

Музыка, звучащая в театре ещё до поднятия занавеса, не только начинается спектакль, но и далее ведёт действие комедии. Ведь именно эти звуки объясняют неожиданное явление на сцену Фамусова в столь неурочный час.

Грибоедов ввёл в комедию яркую бытовую черту. В фамусовской Москве едва ли не поголовным было увлечение музыкой — именно ансамблем флейты с фортепиано.

Всё новое и оригинальное, музыкальное начало грибоедовской комедии, естественно, не избежало нападков. Даже такой тонкий знаток сцены, как Катенин, говорил, что «пьеса начинается не совсем благопристойно». Критик-ригорист, видимо, не учёл, что музыка, введённая Грибоедовым, должна дать зрителю исчерпывающее представление о совершенно невинном характере встреч Софьи с Молчалиным.

Начав комедию музыкальным прологом, Грибоедов снова привлёк музыку к участию в кульминационной сцене пьесы. В доме Фамусовых происходит домашняя вечеринка, на которой будут танцевать под фортепиано. Объясняя эту ситуацию, Софья говорит: «Мы в трауре, так бала дать нельзя».

Вот ещё один из ярких примеров мастерского использования музыки для показа лицемерных канонов фамусовского дома. Да, из-за траура бала дать нельзя! То есть: нельзя разослать пышных пригласительных билетов, нельзя танцевать под оркестр, — а под фортепиано можно.

Впрочем, постановщики старинного театра действовали в этой сцене, не оглядываясь не только на княгиню Марью Алексеевну, но и немало не считаясь и с самим автором.

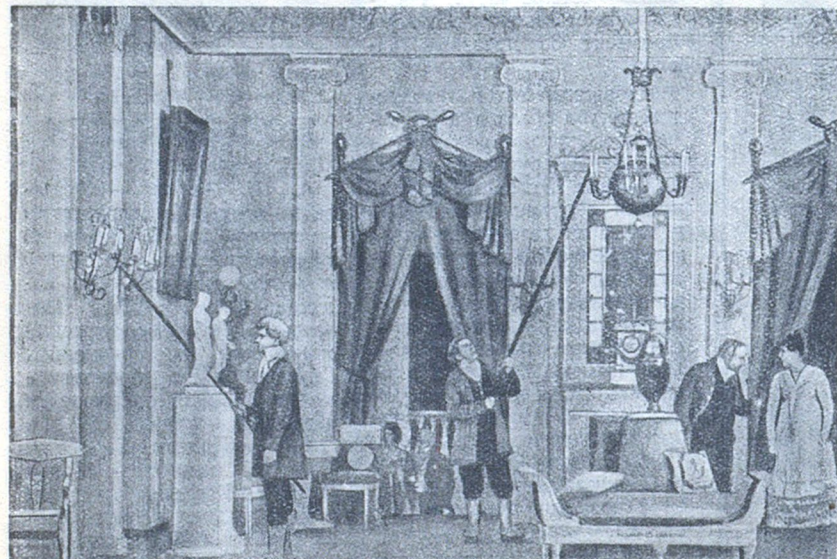
«Сказать теперь молодым людям, — писал В. И. Немирович-Данченко, приступая к постановке «Горе от ума» в МХАТ, — так они не поверят, что ещё сравнительно недавно капельмейстер взмахивал палочкой, и господин Д. с Софьей под звуки оркестра танцевали мазурку, и публика хлопала, и артисты бисировали танец, а потом под звуки того же оркестра все гости Фамусова проходили в торжественном полонезе».

Волею режиссёра действие комедии останавливалось вовсе. Недаром в афишах печаталось крупной строкой: «По ходу спектакля дан будет Бал Москвы». А потому драматические артисты скромно расходились за кулисы и кордебалет исполнял торжественный полонез, и экосезы, и кадрили, а главное, мазурку.

И как ни странно, вопреки прямой ремарке Грибоедова, что монолог Чацкого обрывается на вальсе («Все в вальсе кружатся с величайшим усердием»), спектакль обходился порой вовсе без вальса.

Только к пятидесятилетию постановки «Горя от ума» в афишах Александринского театра в Петербурге объявлялось: «В третьем действии будет исполнен на фортепиано вальс А. С. Грибоедова». Так публика впервые познакомилась с неизвестной ей страницей творческой биографии великого писателя — с его музыкальными композициями.

Введение в спектакль одного из вальсов, сочинённых Грибоедовым, было тем более уместно, что по времени сочинения он совпадает с работой Грибоедова над «Горем от ума». Петербургские газеты впервые с удовлетворением тогда писали: «Сцена бала в настоящее время уже не находится в противоречии с указаниями автора. Вместо бывшего полонеза, а ещё раньше мазурки и кадрили, превращавших финал акта в какой-то искусственный дивертисмент, теперь финал этот поставлен согласно ремаркам А. С. Грибоедова».

Комедия «Горе от ума» в постановке Московского Художественного театра. 20-е годы. III акт, 1-е явление.

На ходу выпив стакан чая, Сергей Сергеевич уехал на аэродром.

ДЕФИЦИТНАЯ ДАМА

Леонид Ленч

Рисунки А. Каневского

Сергей Сергеевич Коньков, ответственный и чрезвычайно перегруженный работник, сидел в пассажирском зале аэропорта и, поглядывая на часы, ожидал прибытия самолёта с Кавказа.

Лицо у Конькова было недоброе, кислое, губы брезгливо шевелились — со стороны можно было подумать, что Коньков тихо ругает невидимого собеседника.

Так оно, собственно, и было. Невидимым собеседником Конькова была его жена Софья Павловна, или Софа, с которой Сергей Сергеевич крупно поссорился час назад.

Ссора произошла так.

Утром Софья Павловна, в шелковом халатике, на котором были вышиты огромные, как капустаные кочаны, розы (Сергей Сергеевич утверждал, что в этом халате Софа похожа на ходячую клумбу из городского парка), вошла в комнату мужа и сказала вкрадчивым голосом:

— Конёк, у меня к тебе малюпусенькая просьбушка.

У Сергея Сергеевича сразу неприятно похолодела спина, ибо он знал, что когда Софа говорит

о своих просьбах и желаниях уменьшительно: «малюпусенькая просьбушка» или «крохотуленькое желаньице», то это значит, что её просьбы и желания будут большими, неприятными и трудными выполнимыми.

— В чём дело, Софочка? — осторожно спросил Сергей Сергеевич.

— А ты исполнишь моё крохотуленькое желаньице?! Обещай, что исполнишь!

— Сначала скажи своё желание!

— Нет, ты сначала обещай!..

— Нельзя сварить суп из курицы, не имея курицы. Давай сюда твою курицу!..

— Это даже не курица, — мило улыбаясь, сказала Софа, — это крохотный цыплёночек.

— Хорошо, давай цыплёнка. Только, деточка, поскорей и конкретно!

— Конкретно я хочу, Конёчек, чтобы ты сел сейчас же в машину и поехал на аэродром. Надо встретить Генриетту Феликсовну и отвезти её домой!

— Обожди, обожди! Какую Генриетту Феликсовну?!

Софа удивилась и расстроилась.

— Ей богу, Конёк, ты как с луны свалился. Я же у неё «шьюсь»!..

— И это называется «малопу-сенькая просьбица»?! — рассердился Сергей Сергеевич. — Это, матушка, не цыплёнок, а целый орёл-стервятник!.. Меня аппарат ждёт, в одиннадцать я назначил совещание... Бери машину, поезжай сама на аэродром и целуйся со своей Генриэттой на здоровье!

— Если я её встречу, — это на неё не произведёт впечатления!.. А если ты встретишь, — произведёт!..

— Я не собираюсь за ней ухаживать!

— Зато я собираюсь! Потому что мне нужно серый костюм переделать!..

— Ну, и переделывай на здоровье!..

— Да, но Генриэтта ко мне охладела последнее время. Если она меня не возьмёт, кто мне будет костюм переделывать? Ты? Или, может быть, аппарат твой?!

— Подумаешь! аппаpат! Пойдешь к другой портнихе и переделаешь!..

— Я скорей умру, чем уйду от Генриэтты! — страстно сказала Софа. — У неё же — вкус!.. Она чудеса делает!..

— Какие там чудеса?!

— Такие!.. Вот, например, есть такая дама — Роза Антоновна Крушинская. Все знают, что у неё живот на сторону. Но она шьётся у Генриэтты, и... буквально ничего не заметно. Да другие мужья у неё в ногах валяются, цветы ей подносят, а ты... не можешь... такого пустяка!..

Голос у Софы задрожал, нос покраснел, а на глазах показались слёзы. Сергей Сергеевич махнул рукой, буркнул: «Ладно! Встречу, только не ревни, пожалуйста!» — и, на ходу выпив стакан чая, уехал на аэродром.

...Самолёт опаздывал. Сергею Сергеевичу скоро наскучило ругать невидимого собеседника, и он стал понемножку успокаиваться.

«Конечно Софа — отсталая и не очень культурная женщина, — уже без раздражения думал Сергей Сергеевич, — но, с другой стороны, ничего плохого в том, что она хочет одеваться со вкусом, я лично не вижу. Плохо лишь то, что у неё нет собственного вкуса, а такие, как Генриэтта, действительно, — дефицитные дамы. Побольше Генриэтт хороших и разных, — вот что нам, собственно, нужно!..»

— Самолёт приземлился! — громко сказал сидевший рядом с Коньковым полный блондин в серой шляпе. — Надо идти встречать!..

Они поднялись и прошли к калитке, замыкавшей выход на лётное поле. Через калитку уже пропускали прилетевших с Кавказа пассажиров. Вот и Генриэтта Феликсовна в изящной дорожной шляпке, с чемоданчиком в руках. Сергей Сергеевич шагнул ей навстречу, но его опередил полный блондин. Он рванулся вперёд, как спринтер, и, схватив чемодан Генриэтты Феликсовны, радостно закричал:

— Здравствуйте, Генриэтта Феликсовна!.. Меня Розочка за вами прислала... Идёмте скорей, машина ждёт!..

На секунду Сергей Сергеевич растерялся, но потом взял себя в руки и солидно, как у себя в учреждении, сказал:

— Позвольте, товарищ... Я тоже приехал за Генриэттой Феликсовной.

— Да, но я приехал раньше!..

— Не знаю!.. Когда я приехал, вас ещё не было...

— Хорошенькое дело — не было... Я уже сидел, когда вы вошли, сели в угол и стали сами с собой разговаривать...

— С кем бы я ни говорил, вас это не касается, — веско сказал Сергей Сергеевич. — Дайте сюда чемодан...

Коньков протянул руку, чтобы взять у блондина чемоданчик Генриэтты Феликсовны, но блон-

Блондин визгливо закричал: — Не отдам!.. Это — нахальство!..

дин крепко прижал дорогую носу к своей груди и визгливо закричал:

— Не отдам!.. Это — нахальство!.. У меня свидетели есть, что я раньше вас приехал!..

Генриэтта Феликсовна поморщилась. Её умные, внимательные, всё понимающие глаза смеялись...

— Ради бога, товарищи, не надо!.. — сказала она с милой дипломатической улыбкой. — Я вас сейчас помирю... Мы так сделаем:

мой чемодан пусть везёт товарищ Крушинский, а я сама сяду к вам, товарищ Коньков. Хорошо?!

— Пожалуйста! — сказал Сергей Сергеевич. — Буду очень рад... Очень!..

— Я поеду следом за вами, — быстро согласился нетребовательный Крушинский.

Дефицитная дама взяла под руку одного мужа, другой подхватил её чемодан, и они направились к стоянке автомашин.

ИНОСТРАННЫЙ ЮМОР

— Тётя, вы принимаете сегодня в чистку меха?

— Вы сами видите, что это пальто из настоящей верблюжьей шерсти.

— Мы снимаем у всех отпечатки пальцев, чтобы после процедур отличить одну клиентку от другой.

РАССКАЗЫВАЮТ, ЧТО...

... в ответ автору, приславшему свою рукопись, одно китайское книгоиздательство сообщило следующее:

«Мы прочли Вашу рукопись с невыразимым восторгом. Мы клянемся памятью наших предков, что никогда ещё не видели такого потрясающего шедевра. Если мы её напечатаем, его величество, император, прикажет нам принять её за образец и не позволит печатать что-либо ниже по качеству, чем она. Поскольку нам вследствие этого придётся отказаться от издания книг на ближайшие 10 000 лет, мы вынуждены склонить Вашу божественную рукопись и вернуть её, с ужасом думая о том, как наши потомки оценят этот малодушный поступок».

... один из профессоров Оксфорда во время войны упрямо игнорировал факт, что среди его слушателей преобладают девушки, и неизменно начинал свои лекции обращением: «Джентльмены!»

Однажды, войдя в аудиторию, он обнаружил в ней 46 студенток и только одного студента. Профессор стиснул зубы, вздохнул и произнёс: «Сэр!»

... почтенная леди явилась однажды к Диккенсу — потолковать о своём приобщении к литературе: она пишет роман.

— Какова должна быть длина романа? — добивается она.

— На этот вопрос нельзя точно ответить, — объясняет Диккенс. — Может быть 40 тысяч слов, а может быть и 300 тысяч.

— Но в среднем?

— В среднем примерно 80 тысяч слов.

Леди радостно вскакивает с кресла:

— Так, значит, мой роман кончен!

СПОРТ ПЕРЕД ЗИМНИМ СЕЗОНОМ

Тренировка по слалому. На первом плане — чемпион СССР по слалому Александр Филатов и тренер В. Мауэр.

На лыжах по первому снегу.

Фото Ю. Леонгардт

Летний спортивный сезон кончился. Если на минуту взглянуть на пройденный путь, то можно заметить значительное по сравнению с военными годами оживление на стадионах, кортах, площадках. Прошедший сезон был богат соревнованиями, рекордами, молодыми чемпионами.

На футбольном поле уверенно заявил себя как талантливый форвард Всеволод Бобров. Несмотря на свою молодость и неопытность (он первый год играет в команде мастеров) В. Бобров, безусловно, был душой нападения команды ЦДКА и чемпионом по количеству вбитых голов. Среди молодых футболистов можно назвать динамовского вратаря Хомича, тбилисцев Гогоберидзе и Антадзе, москвича Шербакова (ЦДКА), ленинградца Пшеничного и других.

В лёгкой атлетике блестящих результатов достигла Людмила Анокина. Она только что окончила Ленинградский институт физкультуры имени Лесгафта. На Всесоюзном лёгкоатлетическом соревновании она показала в метании копья результат, который превысил мировой рекорд, принадлежавший немке Штенхауэр. Вслед за ней на недавно проведённой среднеазиатской спартакиаде Татьяна Севрюкова («Спартак») толкнула ядро на 14 метров 89 сантиметров, улучшив мировое достижение, принадлежавшее ей же.

Теперь лучшие достижения мира в трёх классических видах метания принадлежат советским спортсменам: Л. Анокиной, Т. Сверчковой и Н. Думбадзе (по диску).

Обращает на себя внимание рекорд школьницы Лиды Бородинной. На соревновании детских спортивных школ Москвы она прыгнула в высоту с разбега 1 метр 48 сантиметров и, таким образом, на 3 сантиметра превысила всесоюзный рекорд (для девушек 15—16 лет).

Богатое пополнение даёт спортивное общество «Трудовые резервы». Это — самое молодое общество. Несмотря на это оно имеет немалые достижения. Его представители А. Чеботарёв, Л. Козлов, А. Сурков и А. Петров завоевали звание чемпионов СССР по боксу (в легчайшем, лёгком, полусреднем и среднем весе); семнадцатилетний гонщик С. Овчинкин установил три новых рекорда страны в мотоциклетных гонках; Т. Лунев оказался сильнее в беге на 200 метров с барьерами; Т. Огурнова выиграла звание чемпиона страны по гимнастике. Нет возможности перечислить все новые имена молодых спортсменов, выдвинувшихся в ряды мастеров. Можно только сказать, что их много, и это даёт основания предвидеть дальнейший расцвет нашего спорта в ближайшее же время. Большим стимулом является постановление Совета народных комиссаров СССР, разрешающее выдавать денежные премии за мировое достижение (до 25 тысяч рублей) и за всесоюзное (до 15 тысяч).

Но отличились в прошедшем сезоне не только молодые физкультурники. Пловец Леонид Мешков, легкоатлет А. Пугачевский, теннисист Николай Озеров, футболисты «Динамо» и ЦДКА — все они улучшили свои результаты и ещё раз показали, что советский спорт несмотря на тя-

жёлые военные годы, пережитые страной, остался массовым и богатым спортивными талантами.

Сейчас ноябрь — месяц спортивного бессезонья. Впрочем, в отношении нашей страны это можно сказать лишь условно. Из Петрозаводска, например, сообщают, что в северных районах Карело-Финской республики выпал обильный снег; юноши и девушки стали на лыжи; начались регулярные занятия, которыми руководит местная лыжница тов. Сеппеля. Из Ашхабада сообщают об очередном футбольном матче, который привлёк на стадион несколько тысяч зрителей. Недавно ещё советский спортсмен Файзулин проплыл по Дунаю 100 километров. А в Сибири реки скованы, и уже на них оставлены первые узоры коньков.

Всё же в большей части страны летние виды спорта кончились, а зимние ещё не начались...

Поэтому можно видеть, как хоккеисты и хоккеистки, воспользовавшись несколькими морозными днями, тотчас же вышли на лёд и начали тренировку. В Москве, как всегда, инициаторами оказались хоккеистки общества «Буревестник» — неоднократные победительницы «Кубка СССР». Они всё время тренировались в помещении, но как только на стадионе было залито несколько сот метров, заслуженный мастер спорта Вера Прокофьева вывела свою команду на первую тренировку. Кстати, Вера Прокофьева в эту зиму проводит двадцатый сезон на хоккейном поле. Интересный юбилей!

На Ленинских горах тренируются горнолыжники «Динамо» под руководством В. Мауэра. Под Москвой по первому снегу пошли лыжники «Спартак», в Сокольниках бегают кроссмены.

Но погода обманчива: то выпадет снег и ударит морозец, то пойдёт дождь и вновь ручьи бегут по дорогам. Тогда спортсмены идут в помещение. И в эти дни на гимнастических снарядах вы увидите и прославленных конькобежцев, и известных лыжников, и начинающих хоккеистов. Теннисисты тоже тренируются в гимнастических залах. В эти дни в закрытом помещении стадиона вы можете увидеть тренирующихся футболистов. Под стеклянной крышей зимнего корта С. Соловьёв бьёт сильно в ворота и Хомич в броске достаёт в углу трудный мяч. Форварды, хавбеки и защитники упорно совершенствуют передачу мяча головой. Тренер заслуженный мастер спорта М. Якушин несмотря на бессезонье готовит команду к ответственной встрече. Тренируются в закрытом помещении и футболисты Центрального дома Красной Армии и команды «Торпедо».

Что же ожидается в предстоящей зиме?

По лыжам предстоят кросс, колхозные соревнования, лично командное первенство СССР в марте.

По конькам будут проведены в январе первенства городов, соревнования по фигурному катанию, учебно-тренировочный сбор в Свердловске, матч пяти городов: Москвы, Ленинграда, Риги, Каунаса и Таллина. Матч будет проведён в Таллине. Личное первенство страны по конькам будет проведено в Москве в феврале.

В ноябре назначен чемпионат по боксу, в декабре будут проведены Всесоюзные соревнования по гимнастике, в январе и феврале будет разыгран «Кубок СССР» по хоккею для мужских и женских команд.

М. Мартынов

Хоккеистки «Буревестника». Слева направо: А. Волкова, заслуженный мастер спорта В. Прокофьева, А. Дергачёва и А. Тихомирова.

Фото Б. Кудоярова

ДИНАМОВЦЫ ИГРАЮТ В ЛОНДОНЕ

Наднях из Москвы в Лондон вылетела команда московского общества «Динамо» — чемпион страны по футболу 1945 года. Московские динамовцы встретятся в Лондоне с одним из ведущих клубов нынешнего се-

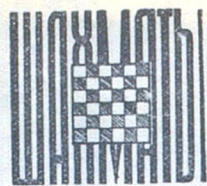
зона — клубом «Челси», с популярнейшей командой клуба «Арсенал» и, возможно, с другими английскими командами.

«Динамо» выступит в Лондоне в своём боевом составе. В воротах будет играть Хомич, в защите — Радикорский, Семичасный и Станкевич, в полузащите — Л. Соловьёв и Блинков и в нападении — С. Соловьёв,

Н. Дементьев, Бесков, Карцев, Трофимов и другие.

Команду готовил к этой ответственной встрече заслуженный мастер спорта Михаил Якушин. Как известно, московская команда «Динамо» прекрасно провела розыгрыш первенства страны, проиграв лишь одну встречу (команде Центрального дома Красной Армии).

СПОРТ

Под редакцией мастера
Н. Зубарёва

ИЗ СТАРЫХ ПАРТИЙ

Приводимая ниже партия играна гениальным американским шахматистом П. Морфи в 1858 году. Как известно, П. Морфи после выигрыша матча у А. Андерсена являлся фактическим чемпионом мира по шахматам.

ПАРТИЯ

Дебют двух коней
(белые без ладьи a1)

Морфи	Любитель
(белые)	(чёрные)
1. e2—c4	e7—c5
2. Kgl—f3	Kb8—c6
3. Cf1—c4	Kg8—f6
4. Kf3—g5	d7—d5
5. e4—d5	Kf6 : d5
6. Kg5 : f7	Kpe8 : f7
7. Фd1—f3+	Kpf7—e6
8. Kbl—c3	Kc6—d4

Этот ход не плох, однако лучше было продолжать игру ходами:

8. ... Kb4 или 8. ... Ke7	
9. Sc4 : d5+	Kpe6—d6
10. Фf3—f7	Sc8—e6

Ошибка. Угрожавший посредством 11. Ke4 мат легче было парировать ходом 10. ... Fe7.

11. Cd5 : e6	Kd4 : e6
12. Kc3—e1+	Kpd6—d5
13. c2—c1+	Kpd5 : e4
14. Фf7 : e6	Фd8—d4

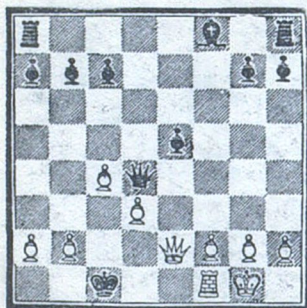
На 14. ... Фd3 последовало бы Фg4X.

15. Фe6—g4+ ...

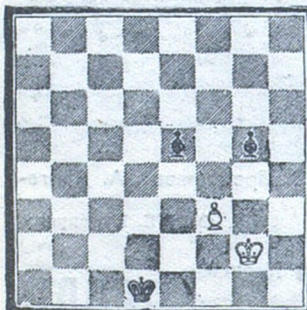
Чёрный король загоняется в матовую сеть.

15. ...	Kpe4—d3
16. Фg4—e2+	Kpd3—c2
17. d2—d3+	Kpc2 : e1

Если 17. ... Kpb1, то 18. 0—0 Kpa2; 19. Фe2 и т. д. 18. 0—0!X

Совершенно необычайное матовое положение!

Каким результатом должна закончиться борьба в этой позиции: а) при ходе белых, б) при ходе чёрных?

Н. С. Тагрин у своей коллекции.

В МИРЕ ОТКРЫТОК

Двадцать два года собирал открытые письма действительный член Всесоюзного географического общества Николай Спиридонович Тагрин. Его коллекция состоит из 200 тысяч различных открыток, размещённых в 4 тысячах альбомов. Если смотреть в день по одному альбому, то для ознакомления с коллекцией потребовалось бы свыше десяти лет!

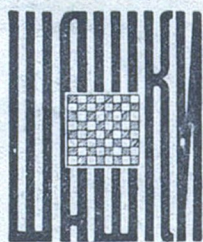
Первое иллюстрированное письмо, подлинный прообраз современной открытки, появилось в 1869 году в Австрии. В 1870 году, во время франко-прусской войны, в одном из осаждённых пруссаками городов Бретани иссякли запасы бумаги и конвертов. Предприимчивый книготорговец Леон Бенардо нарезал кусочки бристоля с рисунком с довольно простым сюжетом, пустил в обиход как иллюстрированное письмо.

В России простые открытые письма были выпущены в 1871 году, а иллюстриро-

ванные появились только в 1893 году.

Сейчас нет страны, где не издавались бы иллюстрированные открытки. Мировой тираж их только за 1941 год составил 16 миллиардов экземпляров. Таким количеством можно двести раз обернуть земной шар по экватору.

Самый большой раздел коллекции Н. С. Тагриня составляет география. Не менее подробно рассказывают открытки и об истории нашей родины — её богатствах, культуре. Имеются открытки по этнографии, ботанике. Особый раздел представляют открытки с репродукциями произведений величайших мастеров искусства. Крайне оригинальные рукописные открытки, получившие распространение в 1905 году в России; они едко критиковали царских чиновников и старый общественный уклад. Имеются открытки с автографами Чехова, Станиславского и других замечательных людей нашей родины.

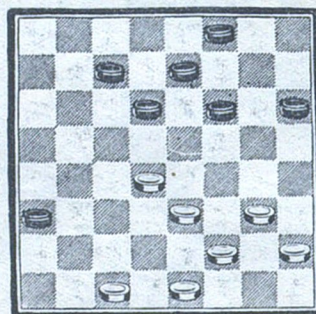
Под редакцией мастера
Г. Торчинского

ОКОНЧАНИЕ ПАРТИИ

Кривобоков Садков
(белые) (чёрные)

Игрена на первенстве воинской части гвардии подполковника Шурова.

В позиции, изображённой на диаграмме, ход чёрных. Вместо 1. ... c7—b6 они избрали заманчивое продолжение с ходом 1. ... d6—c5, рассчитывая после 2. d4—c5

c7—d6; 3. c5—b6 d6—c5; 4. b6 : d4 e5 : c3 выиграть партию. Однако Кривобоков не только не проиграл партию, но провёл исключительно эффектную комбинацию и добился заслуженной победы. В партии последовало:

1. ...	d6—e5?
2. e3—f4!!	e5 : c3
3. f4—e5!	f6 : d4
4. e1—d2	c3 : e1
5. c1—b2	a3 : c1

Почему мы так говорим

ПОЗОР

Слова часто совершенно теряют старый смысл и постепенно приобретают новый. «Позор» образовано от «зор, зрети» — смотреть — и родственно «зрению». Позором в старину называли всё то, на что можно смотреть. «Позор» — зрелище, «позорица» — комедиантка, актриса, «позорующий» или «позоритель» — зритель, «позорить» — быть зрителем. Ещё в стихах современника Пушкина — Е. Баратынского — слово «позор» имеет смысл «вида», «зрелища»:

«Величествен и грустен был позор
Пустынных рек, долин, лесов и гор...»

Ничего предосудительного эти слова не значили. Тогда говорили, например, о «приятном позорище». Но под влиянием таких выражений, как «позорный столб» — столб, у которого выставляли для обозрения преступников, «выставлять на позор», — «позор» приобрело нехороший, сегодняшний смысл — бесчестье, стыда.

АПЕЛЬСИН

Португальцы, распространившие свою торговлю до морей Восточной Азии, около 1548 года впервые привезли из Южного Китая новый плод, который поэтому на многих языках и сегодня называется «португальским»: по-новогречески апельсин — «портогалеа», по-арабски — «буртукале» (арабский язык не знает звука «п»). Вскоре с ним познакомились и северные европейские страны. Вначале новый плод смешивали с похожим на него померанцем, распространённым раньше арабами по Сирии, Палестине и Египту и уже хорошо известным в Европе. Поэтому голландцы называли его «апель сина», то есть «китайское яблоко», чтобы отметить, что это новый плод из нового места.

ЖИЛЕТ

Название части одежды «жилет» произведено от собственного имени. Одним из постоянных персонажей пьесок французских ярмарочных балаганов был наивный простофиля Жилле, всегда выходящий на сцену в безрукавке. От имени этого Жилле французы говорят «жуэ (играть) де Жилле» в смысле «валить дурака», как мы (тоже по имени персонажа кукольного театра) говорим «валить Петрушку». Слово «жилле» стало вскоре вообще означать «дурачок», «простофиля», а жилетова безрукавка стала называться жилетом.

ИДИОТ

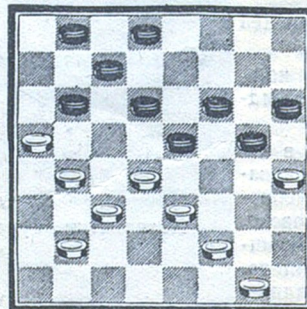
Как медицина, так и обыденная речь пользуются сегодня словом «идиот» для обозначения умственно неполноценных людей. Слово это греческое. Интересно, как оно приобрело нынешнее значение. В древности «идиотом» назывался всякий, не принимавший участия в общественной жизни. «Идиот» сначала значило примерно «частное лицо», в противоположность коллективу. «Идиос» значило свой, собственный, частный, «идиотейя» — частная жизнь.

И. Уразов

6. g3—h4 e1 : g3
7. h2 : f4 c1 : g5
8. h4 : e3 чёрные сдались.

Примечания гвардии лейтенанта Анатолия Купцова.

Куперман Коган
(белые) (чёрные)

После 16-го хода белых положение чёрных стало безнадёжным. В самом деле, если чёрные сыграют 16. ... e5—f4, последует 17. d4—c5! f4 : d2; 18. c5 : e7, и

чёрные не могут ставить дамку ни на c1, ни на e1. В критический момент Коган попытался «обмануть» своего противника и сыграл 16. ... b8—a7. Теперь, если белые пойдут на выигрыш пашки путём 17. d4—c5 b6 : d4; 18. e3 : e7, последует 18. ... e5—d4!!; 19. c3 : g7 h6 : d6; 20. h4 : f6 d8—e7; 21. f6 : b6 a7 : c1, и ничья.

Куперман разгадал замыслы чёрных и, сыграв 17. b2—a3, впоследствии добился победы.

РЕШЕНИЕ

задачи А. Ефремова, помещённой в № 44 «Огонька»

1. g3—f4 g5 : b6 (если 1. ... g5 : g1, то 2. e5—d6 d1 : b6 3. a5 : c7X); 2. a5 : c7 b8 : f4; 3. f2—g3 f4 : h2; 4. a7—g1X.

СПРАВОЧНАЯ ТАБЛИЦА

27-го тиража выигрышей

ЗАИМА ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ (выпуск первого года)

и 23-го тиража выигрышей

ЗАИМА ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ (выпуск второго года)

Тиражи состоялись 15 августа 1945 года в г. Москве

ВЫИГРЫШИ ВЫПАЛИ НА СЛЕДУЮЩИЕ НОМЕРА СЕРИЙ И ОБЛИГАЦИЙ:

В 27-м ТИРАЖЕ ВЫИГРЫШЕЙ ЗАИМА ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ (выпуск первого года):

№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях
40115	31*)	1.000	42619	19*)	500	46282	14*)	500	50018	33*)	500	53874	03*)	500
40229	31*)	500	43144	1—50	200	46543	1—50	200	50252	1—50	150	53961	05*)	500
40294	42*)	500	43264	1—50	200	46612	19*)	500	50539	1—50	200	54131	09*)	500
40311	11*)	500	43538	1—50	200	46740	32*)	500	50573	39*)	500	54193	12*)	500
40342	1—50	200	43721	29*)	500	46746	1—50	200	50703	27*)	500	54259	25*)	500
40344	27*)	500	43769	17*)	500	47007	22*)	500	50831	05*)	500	54423	42*)	500
40546	47*)	500	43811	1—50	200	47093	12*)	500	50847	45*)	1.000	54552	15*)	500
40631	05*)	500	44021	19*)	500	47475	26*)	500	50968	1—50	200	54675	16*)	500
40661	1—50	200	44058	02*)	500	47603	39*)	500	51237	02*)	500	54686	10*)	500
40825	30*)	500	44102	37*)	500	47799	24*)	500	51523	14*)	500	54774	1—50	200
40898	27*)	500	44395	41*)	500	48025	34*)	500	51654	1—50	200	54780	39*)	500
40910	18*)	500	44515	18*)	500	48071	41*)	500	51664	04*)	500	54846	1—50	200
41301	01*)	500	44655	1—50	200	48202	1—50	200	51768	10*)	500	54962	21*)	500
41363	47*)	500	44757	42*)	500	48451	1—50	200	52023	27*)	500	54969	43*)	500
41428	33*)	500	45033	12*)	500	48531	36*)	500	52445	1—50	150	54997	1—50	200
41436	1—50	150	45063	1—50	200	48570	1—50	200	52451	1—50	200	55065	1—50	200
41545	31*)	500	45356	1—50	150	49037	05*)	500	52777	1—50	200	55720	06*)	500
41583	21*)	500	45417	37*)	1.000	49285	43*)	500	52889	39*)	500	55758	12*)	500
41595	49*)	500	45457	45*)	500	49328	28*)	500	52970	21*)	500	55885	21*)	500
41751	1—50	200	45471	1—50	200	49510	39*)	500	53107	16*)	500	55983	44*)	1.000
41781	1—50	200	45569	22*)	500	49555	1—50	200	53142	33*)	500	56309	40*)	500
41872	33*)	500	45602	27*)	500	49739	1—50	200	53177	15*)	500	56339	1—50	200
41960	06*)	1.000	45631	06*)	500	49845	03*)	500	53512	24*)	500	56402	1—50	200
42037	1—50	200	46141	1—50	200	49885	1—50	200	53688	07*)	500	56667	38*)	500
42329	12*)	500	46236	14*)	500	49991	02*)	500	53822	09*)	500	56781	47*)	500

В 23-м ТИРАЖЕ ВЫИГРЫШЕЙ ЗАИМА ТРЕТЬЕЙ ПЯТИЛЕТКИ (выпуск второго года):

№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях	№№ серий	№№ облигаций	Размер выигрыша в рублях
60097	1—50	200	63438	31*)	500	67158	47*)	500	70402	27*)	500	73439	1—50	200
60107	22*)	500	64009	1—50	200	67181	07*)	500	70506	40*)	500	73489	18*)	1.000
60604	23*)	500	64105	16*)	500	67204	1—50	150	70548	1—50	200	73536	08*)	500
60632	46*)	500	64236	47*)	500	67242	47*)	500	70629	29*)	500	73563	1—50	150
60751	20*)	1.000	64419	12*)	500	67408	50*)	500	70663	49*)	500	73652	1—50	200
60785	1—50	150	64648	38*)	500	67618	1—50	150	70694	14*)	500	73913	35*)	500
60946	28*)	500	64730	03*)	500	67783	1—50	150	70705	1—50	200	73938	1—50	200
61017	11*)	3.000	64867	1—50	150	68056	01*)	500	70841	23*)	500	74122	1—50	150
61136	35*)	500	64911	1—50	200	68111	19*)	500	70845	41*)	500	74167	49*)	500
61214	25*)	500	65102	1—50	150	68118	1—50	150	71567	38*)	500	74328	01*)	500
61288	20*)	500	65150	16*)	1.000	68519	27*)	500	71586	39*)	500	74394	1—50	150
61292	10*)	500	65168	09*)	500	68624	17*)	500	71599	24*)	500	74425	34*)	500
61448	23*)	500	65242	22*)	500	68644	25*)	500	71909	1—50	200	74495	09*)	500
61506	33*)	500	65430	50*)	500	68803	01*)	500	71925	21*)	500	74717	1—50	200
61795	1—50	200	65632	18*)	500	68822	33*)	500	71980	1—50	200	74780	22*)	500
61798	36*)	500	65893	30*)	500	68904	43*)	500	72049	1—50	200	75025	32*)	500
62220	23*)	500	66011	29*)	500	68983	10*)	500	72310	14*)	500	75191	34*)	1.000
62240	07*)	500	66034	31*)	500	68994	01*)	500	72358	1—50	200	75227	09*)	500
62406	1—50	200	66039	04*)	500	69054	1—50	200	72549	12*)	500	75252	01*)	500
62507	04*)	500	66290	1—50	200	69118	38*)	1.000	72602	50*)	500	76349	1—50	200
62796	14*)	500	66301	1—50	200	69404	09*)	500	72638	11*)	500	76425	50*)	500
62970	37*)	500	66336	1—50	200	69679	19*)	500	73053	1—50	150	76653	09*)	500
63094	15*)	500	66502	1—50	200	69754	45*)	500	73098	08*)	500	77150	17*)	500
63275	1—50	200	66974	46*)	500	70171	11*)	500	73205	16*)	500	77239	01*)	500
63295	08*)	500	67088	02*)	500	70311	33*)	500	73296	45*)	500	77534	1—50	200

*) На остальные 49 номеров облигаций этой серии выпали выигрыши по 150 рублей.

ВВ ОБОЗНАЧ.
ИНЕРСКИЙ ПР. 26
ГЛАВ. СНАБ. НКБ
РАДН. Д. П.
1 12

Цена 1 р. 50 к.

Памятник второй Великой отечественной войне в городе Калинине. Автор проекта — архитектор А. Трайнин. Мастерская академика Н. Я. Колли.